

ПРОЕКТ НОВОГО ЗАКОНА О СТАЧКАХ.

Нам доставлен новый тайный документ: записка министерства финансов «о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме и о желательности установления организаций рабочих в целях самопомощи». В виду обширности этой записки и необходимости ознакомления с ней возможно более широких слоев рабочего класса, мы издаем ее особой брошюрой. Теперь же изложим вкратце содержание этого интересного документа и укажем на его значение.

Записка начинается кратким очерком истории нашего фабричного законодательства, указанием на законы 3 июня 1886 г., 2 июня 1897 г. и переходит затем к вопросу об отмене уголовного наказания за уход с работы и за стачки. М-ство фин. полагает, что угроза арестом или тюрьмой за самовольный уход с работы одного рабочего или за прекращение работы по уговору многих рабочих не достигает своей цели. Сохранение общественного порядка этим не обеспечивается, как показал опыт; рабочих эта угроза только озлобляет, убеждая их в несправедливости закона. Применять эти законы очень трудно «в виду крайней обременительности возбуждения сотни и иногда тысячи дел» за уход каждого рабочего, а также и в виду того, что фабриканту невыгодно остаться без рабочих, если их засадят за стачку. Признание стачки преступлением вызывает чрезмерно усердное вмешательство полиции, приносящее больше вреда, чем пользы, больше затруднений и хлопот фабрикантам, чем облегчения. Записка предлагает совершенно отменить всякие наказания за самовольный уход отдельного рабочего с фабрики и за мирную стачку (не сопровождаемую ни насилием, ни нарушением общественного порядка и т. п.). Наказания должны быть установлены, по образцу иностранных законов, только «за насилие, угрозы или обесславления (!), совершенные кем-либо из работодателей или рабочих по отношению к личности или имуществу другого и имеющие целью, вопреки свободным и законным намерениям последнего, принудить его или помешать ему» вести работу на тех или иных условиях. Другими словами, вместо уголовного наказания за стачки предполагается уголовное наказание за помеху «желающим работать».

Что касается до обществ самопомощи, то м-ство фин. жалуется на административный произвол в этом деле (особенно проявившийся - де в Москве, где общество механических рабочих заявило даже претензию на «посредническую роль» между рабочими и администрацией) и требует проведения в законодательном порядке нормального устава таких обществ и облегчения устройства их.

Таким образом, общий характер новой записки м-ства фин., несомненно, либеральный, и центральным пунктом является предложение отменить уголовное наказание за стачки. Мы не станем здесь подробно разбирать содержание всего «законопроекта» (это удобнее будет сделать после напечатания всей записки целиком), а обратим внимание читателя на характер и значение этого либерализма. Предложение предоставить рабочим некоторую свободу стачек и свободу организаций — не новость не только в нашей либеральной публицистике, но и в предначертаниях официальных, правительственных комиссий. В начале 60-х годов комиссия Штакельберга, пересматривавшая уставы фабричный и ремесленный, предлагала учредить промышленные суды из выборных от рабочих и хозяев и дать рабочим известную свободу организаций. В 80-х годах комиссия по составлению проекта нового уголовного уложения предполагала отменить уголовные наказания за стачки. Но теперешний проект м-ства фин. существенно отличается от предыдущих, и это отличие останется крайне важным знамением времени даже и в том случае, если предложение нового проекта так же останется под сукном, как и все прежние. Существенное отличие состоит в том, что новый проект характеризуется несравненно большей «почвенностью»: вы чувствуете в нем не только голос немногих теоретических передовиков и идеологов буржуазии, а голос целого слоя промышленников-практиков. Это уже не либерализм одних только «гуманных» чиновников и профессоров, это доморощенный отечественный либерализм московских купцов и промышленников. Этот факт, скажу откровенно, наполняет мое сердце высокой патриотической гордостью: алтынный либерализм купца значит много больше, чем пятиалтынный либерализм чиновника. И самыми интересными в записке являются не тошнотворные рассуждения о свободе договора и о пользе государства, а те практические соображения фабрикантов, которые прорываются сквозь традиционно-юридическую аргументацию.

— Невтерпеж! Надоело! Не суйся! — вот что говорит русский фабрикант русской полиции устами автора министерской записки. Послушайте-ка, в самом деле, следующие рассуждения:

«По взглядам полицейских органов, находящим себе поддержку в неопределенности и сбивчивости действующего закона, всякая забастовка рассматривается не как естественное экономическое явление, но непременно как нарушение общественного порядка и спокойствия. Между тем, если бы существовало более спокойное отношение к фактам прекращения работы на фабриках и заводах и забастовки не отождествлялись бы с нарушением общественного порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинные причины таковых, отделять законные и справедливые поводы от незаконных и неосновательных и принимать

соответствующие меры к миролюбивому соглашению сторон. При подобном, более нормальном порядке меры пресечения и подавления принимались бы лишь тогда, когда были бы налицо факты, удостоверяющие наличность беспорядка». Полиция не разбирает причин стачки, а заботится только о прекращении ее, пуская в ход один из двух приемов: либо заставляя рабочих (арестами, высылками и др. мерами «до употребления военной силы включительно») взяться за работу, либо побуждая хозяев к уступкам. «Нельзя сказать, чтобы хотя один из этих приемов был удобен» для гг. фабрикантов: первый «поселяет озлобление в среде рабочих», второй «укрепляет у рабочих крайне вредное убеждение в том, что забастовка есть вернейшее средство добиться исполнения своих пожеланий во всяком случае». «История забастовок, происходивших в течение последнего 10-летия, дает много примеров того вреда, который является результатом стремления быстрого подавления возникающих осложнений какой бы то ни было ценою. Поспешно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобление среди совершенно спокойных до сего рабочих, что приходилось пускать в дело казаков, после чего, конечно, не могло быть и речи об удовлетворении даже законных требований забастовавших. С другой стороны, случаи быстрого удовлетворения незаконных требований рабочих посредством воздействия на фабрикантов вызывали непременно аналогичные же стачки в других промышленных заведениях, в которых приходилось уже применять не систему уступок, а военную силу, что бывает для рабочих совершенно непонятным и поселяет уверенность в несправедливом к ним отношении и произволе властей»... Чтобы полиция когда-нибудь удовлетворяла даже незаконные требования рабочих посредством воздействия на фабрикантов, это, конечно, увлечение гг. капиталистов, которые хотят сказать, что иногда они сами, поторговавшись со стачечниками, дали бы им меньше, чем приходится дать под давлением грозного призрака «нарушение государственного порядка и спокойствия». Записка подпускает шпильку м-ству внутр. дел, которое в циркуляре от 12 августа 1897 г., «изданном без соглашения с м-ством фин.» (вот где собака-то зарыта!), предписывает и аресты и высылки при каждой стачке и направление дел о стачках в порядке охраны. «Высшие административные власти, — продолжает записка излагать жалобы фабрикантов, — идут еще дальше (закон) и придают всем (курсив ориг.) случаям стачек прямо государственное значение... Между тем, в сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилиями) есть явление чисто экономическое, вполне естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию. Охрана последнего в этих случаях должна бы выражаться в формах, подобно практикуемым во время народных гуляний, торжеств, зрелищ и т. п. случаев».

Это — язык настоящих либералов-манчестерцев, обличающих борьбу капитала и труда чисто естественным явлением, приравнивающих с замечательной откровенностью «торговлю товарами» и «торговлю трудом» (в другом месте записки), требующих невмешательства государства, отводящих этому государству роль ночного (и дневного) сторожа. И, что особенно важно, встать на эту либеральную точку зрения заставил русских

фабрикантов не кто иной, как наш рабочий. Рабочее движение так широко разрослось, что стачки действительно стали «естественным экономическим явлением». Борьба рабочих приняла такие упорные формы, что вмешательство полицейского государства, запрещающее всякое проявление этой борьбы, действительно стало оказываться вредным не только для рабочих (им-то оно никогда кроме вреда ничего не приносило), но и для самих фабрикантов, в пользу которых это вмешательство делалось. Рабочие сделали полицейские запрещения фактически бессильными, — но полиция продолжала (и не могла в самодержавном государстве не продолжать) вмешиваться и, чувствуя свое бессилие, металась из стороны в сторону: то военная сила, то уступки, то зверская расправа, то заигрыванье. Чем меньше значения получало полицейское вмешательство, тем острее чувствовался фабрикантами произвол полиции, тем более склонялись они к убеждению, что им не расчет поддерживать этот произвол. Конфликт между известной частью крупных промышленников и полицейским всевластием все обострялся и принял особенно резкие формы в Москве, где система заигрыванья с рабочими расцвела особенно пышно. Записка прямо жалуется на московскую администрацию, затеявшую опасную игру с собеседованиями рабочих и обществом взаимопомощи рабочих в механическом производстве¹. Чтобы приманить рабочих, пришлось дать совету этого общества известное право посредничества, — и фабриканты сейчас же встали на дыбы. «Сначала сей совет, — пишет под их диктовку записка, — обращался к чинам фабричной инспекции, но засим, видя, что последние не признают его компетенции в принятой на себя самовольно посреднической роли, он стал обращаться к оберполицмейстеру, который не только принимает получаемые заявления, но дает им законный ход, чем санкционирует присвоенные себе советом права». Фабриканты протестуют против частных административных распоряжений и требуют законодательного установления нового порядка.

Правда, либерализм фабрикантов не выходит пока из очень узких профессиональных рамок, их враждебность к полицейскому произволу ограничивается отдельными проявлениями невыгодных для них крайностей, не направляясь против коренных основ бюрократического самовластья. Но о росте этой враждебности, о расширении поводов для нее, об ее углублении позаботится экономическое развитие России и всего мира, обостряя классовые антагонизмы капиталистических стран. Сила пролетариата в том и состоит, что его численность и сплоченность увеличивается в силу самого процесса экономического развития, тогда как среди крупной и мелкой буржуазии все усиливается разрозненность и раздробленность интересов. Чтобы учесть это «естественное» преимущество пролетариата, социал-демократия должна внимательно следить за всеми столкновениями интересов среди господствующих классов, пользуясь этими столкновениями не только в целях извлечения практической выгоды в пользу тех или иных слоев рабочего класса, но и в целях извлечения полезного урока из каждого нового социально-политического эпизода.

Практическая выгода для рабочих от предлагаемого либеральными фабрикантами изменения закона слишком

очевидна, чтобы на ней стоило долго останавливаться. Это несомненная уступка растущей силе, оставление неприятелем одной из его позиций, которая уже фактически почти отвоевана революционным пролетариатом и защищать которую дальше не хотят наиболее дальновидные вожди вражеской армии. Невелика эта уступочка, что и говорить: во-1-х, смешно и думать о возможности настоящей свободы, свободы стачек при отсутствии политической свободы. Право арестов и высылки без суда остается у полиции и останется у нее до тех пор, пока существует самодержавие. А сохранение этого права означает сохранение девяти десятых всей той полицейской склоки, тех безобразий и того произвола, который начинает претить даже и фабрикантам. Во-вторых, и в узкой области собственно промышленного законодательства министерство финансов делает очень робкий шаг вперед, подражая тому немецкому законопроекту, который немецкие рабочие прозвали „каторжным“ законопроектом, оставляя особые наказания «за насилия, угрозы и обесславления», стоящие в связи с договором о найме, как будто бы не существовало общих уголовных законов, карающих эти проступки! Но и маленькой уступкой русские рабочие сумеют воспользоваться для укрепления своей позиции, для усиления и расширения своей великой борьбы за освобождение трудящегося человечества от наемного рабства.

Что касается до полезного урока, которому нас учит новая записка, то мы должны заметить прежде всего, что протест фабрикантов против средневекового закона о стачках показывает нам на маленьком частном примере общее несоответствие интересов развивающейся буржуазии и отживающего абсолютизма. Об этом следовало бы поразмыслить тем людям, которые (подобно соц.-рев.) до сих пор боязливо закрывают глаза на элементы буржуазной оппозиции в России и твердят по старинке, что «интересы» (вообще!) русской буржуазии удовлетворены. Оказывается, что полицейское самовластие приходит в столкновение то с теми, то с другими интересами даже таких слоев буржуазии, которых всего непосредственнее охраняет царская полиция, которым непосредственно грозит материальным ущербом всякое ослабление узды, надетой на пролетариат.

Оказывается, что действительно революционное движение дезорганизует правительство не только прямо тем, что просвещает, возбуждает и спланирует эксплуатируемые массы, но и косвенно тем, что отнимает почву у обветшалых законов, отнимает веру в самовластие даже у его кровных, казалось бы, присных, учащает «домашние ссоры» между этими присными, заменяет твердость и единство в лагере врагов раздорами и шатаниями. Но, чтобы достигать таких результатов, нужно одно условие, которого никогда не могли усвоить наши соц.-революционеры: для этого необходимо, чтобы движение было действительно революционным, т. е. поднимало к новой жизни все более и более широкие слои действительно революционного класса, преобразовывало бы фактически духовно-политический облик этого класса, а через его посредство и всех тех, кто с ним соприкасается. Усвоив эту истину, с.-р. поняли бы, какой практический вред приносит их бездельность и беспринципность в коренных вопросах социализма, поняли бы, что не правительственные, а революционные силы дезорганизуют людей,

проповедующие, что против толпы у самодержавия есть солдаты, против организаций — полиция, а вот отдельные террористы, смещающие министров и губернаторов, поистине неуловимы.

Есть и еще один полезный урок в новом «шаге» фабрикантов ведомства. Этот урок состоит в том, что надо уметь пользоваться всяким, хотя бы даже и алчным, либерализмом на деле, и надо в то же время «в оба смотреть», чтобы этот либерализм не развращал народных масс своей лживой постановкой вопросов. Пример — г. Струве, разговор с которым мы бы озаглавили: «Как либералы хотят учить рабочих и как рабочие должны учить либералов». Начав печатание разобранной нами записки в № 4 «Освобождения», г. Струве говорит там, между прочим, что новый проект есть выражение «государственного смысла», каковому смыслу вряд ли-де пробиться через стену произвола и бессмыслия. Не так это, г. Струве. Не «государственный смысл» выдвинул проект нового закона о стачках, а выдвинули его фабриканты. Не потому появился этот проект, что государство «признало» основные начала гражданского права (буржуазную «свободу и равенство» хозяев и рабочих), а потому, что отмена наказания за стачки стала выгодной для фабрикантов. Юридические формулировки и вполне доказательные мотивировки, которые дает теперь «само» («Осв.» № 4, стр. 50) министерство финансов, имелись налицо давным-давно и в русской литературе и даже в трудах правительственных комиссий, но все это оставалось под спудом, пока не заговорили хозяева промышленности, которым рабочие практически демонстрировали нелепость старых законов. Мы подчеркиваем это решающее значение фабрикантских выгод и фабрикантской заинтересованности не потому, чтобы это ослабляло, на наш взгляд, значение предначертаний правительства, — напротив, мы уже сказали, что видим в этом усиление их значения. Но пролетариату в его борьбе против всего современного строя надо прежде всего научиться смотреть на вещи прямо и трезво, вскрывать настоящие побудительные причины «высоких государственных деяний» и неуклонно разоблачать те лживые напыщенные фразы о «государственном смысле» и т. п., которые ловкими полицейскими чинами выдвигаются по расчету, а учеными либералами — по близорукости.

Далее г. Струве советует рабочим быть «сдержанными» в агитации за отмену наказаний за стачки. «Чем сдержаннее будет она (эта агитация) по формам, — проповедует г. Струве, — тем больше будет ее значение». Рабочий должен хорошенько отблагодарить бывшего социалиста за такие советы. Это традиционная молчалинская мудрость либералов — проповедывать сдержанность именно тогда, когда правительство едва начало колебаться (по какому-нибудь частному вопросу). Надо быть сдержаннее, чтобы не помешать провести начатую реформу, чтобы не запугать, чтобы использовать благоприятный момент, когда первый шаг уже сделан (записка составлена!) и когда признание каким-либо ведомством необходимости реформ дает «неопровержимое (?)» и для самого правительства и для общества (!) доказательство справедливости и своевременности (?) этих реформ. Так рассуждает г. Струве о разбираемом нами проекте, так рассуждали всегда российские либералы. Не так рас-

суждает социал-демократия. Смотрите, скажет она, — даже из самих фабрикантов кое-кто начал понимать уже, что европейские формы классовой борьбы лучше азиатского произвола полиции. Даже самих фабрикантов мы заставили своей упорной борьбой усомниться в всеилии самодержавных опричников. Смелее же вперед! Распространяйте шире приятную весть о неуверенности в рядах врага, пользуйтесь всяким малейшим колебанием его не для молчалинского «сдерживания» своих требований, а для усиления их. За счет того долга, который лежит на правительстве перед народом, вам хотят отдать копейку из ста рублей. Пользуйтесь получением этой копейки, чтобы громче и громче требовать всей суммы долга, чтобы окончательно дискредитировать правительство, чтобы готовить наши силы для нанесения ему решительного удара.

[Н. Ленин]

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДЕБЮТИРУЮЩИХ ЛИБЕРАЛАХ.

Первое слово политического дебютанта интересно всегда. Первое слово либерала, слагающего партию, интересно вдвойне. Значит, разложение политического строя России пошло далеко, если молчалиник-либерал прервал свое обычное молчание.

Мы живем в дни великой борьбы, растущей и обостряющейся. В недрах старой России шевелится Россия новая. Ей тесно в этих недрах; ей нужен простор. Общим несовместно им жить. Старое напрягает все силы, чтобы раздавить это новое. Новое собирается в бой, клича клич: «Кто за нас? Помогите! Враг силен, а задача громадна. Время не терпит. Каждый человек на счету. Нельзя молчать. Преступно быть зрителем.

Жизнь — не цирк, и борцы за свободу — не гладиаторы. Им нужна реальная помощь, не дешевое „браво“ глазющей публики...».

И призыв к свободе услышан. Вернее — он сам лишь отзвук той бури, что скопилась в народной груди. Россия трудящаяся, Россия обремененная, Россия всех малых людей и большого страдания — бродит и «ставит своего человека».

И в это самое время раздается голос, именем либералов говорящий: Ваш — клич — пустое доктринерство, призыв в лагерь борьбы — напрасная претензия. Предоставьте «мирные элементы» их культурной деятельности, которая есть также... «борьба». Зачем навязывать «умеренным» неприемлемые средства и настроения?

«Действовать так значило бы — в угоду своим излюбленным идеям или в поблажку своему темпераменту — сужать великое освободительное движение, ясные и простые цели которого должны быть доступны возможно большему числу лиц»*.

И без вас, г. Струве, борцы за свободу знают, что можно требовать от русского обывателя и чего нельзя. Путь борьбы — путь тернистый. Не всякому дано быть борцом. Но тому, кто провозглашает себя участником «национального освобождения», не пристало играть словами. Нельзя, толкуя об «общем деле» «революционеров и умеренных», призывая к «единой борьбе», козырять — культурной работой!

Шутки прочь! Положение обязывает! От человека, появляющегося на арене политической борьбы, мы хотим доподлинно знать, как он думает бороться. Борьба ведь уже кипит и жертвы приносятся. Вы участвуете в деле «национального освобождения», вы кидаете вме-

* Эта и все последующие цитаты взяты из разных мест №№ 1—2 «Осв.».

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ.

Отношение соц.-рев. к крестьянскому движению представляет особый интерес. Именно в аграрном вопросе всегда считали себя особенно сильными и представители старого русского социализма, и их либерально-народнические наследники, и те многочисленные в России сторонники оппортунистической критики, которые крикливо уверяют, что в этом пункте марксизм уже окончательно сбит с позиции «критикой». И наши соц.-рев. разносят марксизм, что называется, на все корки: «догматические предрассудки... изжитые, давно разбитые жизнью догматы... революционная интеллигенция закрыла глаза на деревню, революционная работа в крестьянстве запрещалась ортодоксией», и мн. т. п. Это нынче в моде — лягать ортодоксию. Но к какому подвиду надо отнести тех из числа лягающих, которые до начала движения в крестьянстве не успели даже наметить своей собственной аграрной программы? Когда «Искра» еще в № 3 обрисовала свою аграрную программу, «Вестн. Р. Рев.» только и нашелся пробормотать: «при такой постановке вопроса значительно стусевывается еще одно из наших разногласий», при чем с редакцией «В. Р. Р.» слу-

чалось то маленькое несчастье, что именно постановки вопроса «Искрой» («внесение классовой борьбы в деревню») она абсолютно не поняла. Теперь «Рев. Россия» ссылается задним числом на брошюру: «Очередной вопрос», хотя программы и там никакой нет, а есть лишь превознесение таких «знаменитых» оппортунистов, как Гертц.

И вот эти-то люди, которые до начала движения были согласны и с «Искрой» и с Гертцем, — на другой день после крестьянского восстания выступают с манифестом «от крестьянского союза (!) Партии Соц.-Рев.», при чем в этом манифесте вы не найдете ни одного звука, исходящего действительно от крестьянина; вы встретите только дословное повторение того, что вы сотни раз читали у народников, либералов и «критиков»... Говорят, что смелость города берет. Это так, господа с.-р., но не о такой смелости свидетельствует грубо размалеванная реклама.

Мы видели, что главное «преимущество» с.-р. состоит в свободе от теории, главное искусство их — умение говорить, чтобы ничего не сказать. Но чтобы дать программу, надо как-никак высказаться. Надо, например, выкинуть за борт «догмат русских с.-д. конца 80-х и начала 90-х годов о том, что нет революционной силы, кроме городского пролетариата». Какое это удобное

сте с революционерами «соединенный вызов» русскому правительству? Хорошо. Каково же ваше отношение к другим участникам, в чем же выражается ваше сотрудничество с борцами революции? Г. Струве дипломатично молчит. За него договаривают его присные. Мы, земцы, — говорят они, — не можем «оставаться в нашем выжидательном положении». Нам угрожает, с одной стороны, «близорукая и неумелая бюрократия», с другой — в числе прочих бед — «общая почва классовых и эгоистических интересов», «революционная пропаганда». «Убежденные сторонники порядка и законности», «противники насилия, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу», мы стремимся создать такую «платформу», «на которой могли бы сойтись и войти в соглашение разнообразные кружки и группы, из которых, под двойным влиянием правительственной реакции и революционной борьбы, имеет шансы сложиться русская конституционная партия».

Другими словами: мы, пропагандисты «единой борьбы» и «соединенного вызова», — «в угоду своим излюбленным идеям» (как идея «законности»), «в похвалу своему темпераменту» (трусости) и «эгоистическим интересам» (имущих классов) — сужаем «великое освободительное движение» до того, что скидываем со счета политических комбинаций и возможных «соглашений» всех тех, кто до сих пор — так или иначе — но представлял собою это движение. Революционная борьба и правительственная реакция, демонстрирующая толпа и насильник с нагайкой в руке — явления, для нас одинаково сторонние и чуждые. Мы не идем на штурм, мы занимаем наблюдательные посты, мы ловим момент, когда растерянный взор неприятеля, смущенного бурей революции, остановится на нас с... ожиданием. Мы уже теперь парламентируем... в звании выразителей «единогласного общественного мнения», мы предупредительно даем советы врагу, пре-

достерегая от «рискованной игры» «за счет верховной власти».

Так дебютируем мы — «земская политическая партия»! «Под двойным влиянием правительственной реакции и революционной борьбы» появляется на свет — новейшее «пенкоснимательство».

Измена и лицемерие стоят у его колыбели.

Либералу-демократу не след итти по стопам новой партии.

Свобода не продается на базаре политических сделок. Ее надо отвоевать, заслужить борьбою.

Трудное дело — борьба, борьба революционная. Но формы ее настолько многообразны, содержание настолько всеобъемлюще, необходимость настолько очевидна, что самый «умеренный» демократ найдет себе место в ней. Он сумеет подавить свои антипатии и принести хоть частичку своей «умеренности» в жертву великой цели.

Русская социал-демократия ждет. Она в праве требовать поддержки в борьбе, «где дело идет о достойном существовании личности и нации».

[А. Потресов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

«Волчья пасть и лисий хвост».

Нам пишут из Петербурга от 4 августа: «Я писал уже вам о „высочайшем нагоняе“ земским деятелям, как называют они выговор Николая II за участие в нелегальном земском съезде. Со слов лица, близко стоящего к министерским сферам, и с любезного его позволения спешу поделиться с вами некоторыми подробностями об обстоятельствах, сопровождавших этот выговор.

словечко: «догмат»! Достаточно извратить слегка враждебную теорию, прикрыть это извращение жупелом «догмата», — и готово дело!

Весь современный социализм, начиная с Комм. Манифеста, покоится на той несомненной истине, что единственным действительно революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционны лишь отчасти и лишь при известных условиях. Спрашивается, что же надо думать о людях, которые «превратили» эту истину в догмат русских с.-д. определенной эпохи и пытаются уверить наивного читателя, будто этот догмат был «всецело основан на вере в отдаленность открытой политической борьбы»?

Против учения Маркса о единственном действительно революционном классе современного общества с.-р. выдвигают троицу: «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», обнаруживая этим безнадежную путаницу понятий. Если вы противопоставляете интеллигенцию пролетариату и крестьянству, — значит, вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определенная социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такого слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной интел-

лигенцией. По отношению к этому слою вполне прав Г. Струве, называющий свой орган органом русской интеллигенции. Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые еще не заняли никакой определенной социальной позиции или уже выбиты жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата, то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату. Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей. Поход с.-р. против основного «догмата» марксизма лишний раз доказывает только, что всю силу этой партии представляет та кучка русских интеллигентов, которые от старого отстали, а к новому не пристали. Что касается до крестьянства, то о нем суждения с.-р. еще более сбивчивы. Чего стоит уже одна постановка вопроса: «Какие общественные классы вообще (!) всегда (!!) держатся за существующий... (самодержавный только? или вообще буржуазный?)... порядок, охраняют его и не поддаются революционизированию?» Собственно говоря, на этот вопрос только и можно ответить вопросом: какие элементы интеллигенции вообще всегда держатся за существующий хаос идей, охраняют его и не поддаются определенному социали-

«Удостоиться получения „высочайшего нагоняя“ имели счастье далеко не все земские деятели, принимавшие участие в с'езде. Получили его только те, которые значились в доставленном г. Плеве списке присутствовавших на одном из заседаний с'езда. В этом списке, однако, фигурировали фамилии таких известных земских деятелей, как г. Шипов², председатель Московской губ. земской управы, и г. Стахович, орловский губернский предводитель дворянства. И вот г. фон-Плеве нашел, что для обуздания таких лиц „высочайшего нагоняя“ будет, пожалуй, недостаточно. Правда, в бумагах г. министра, в которых изложено было императорское неудовольствие на крамольников-земцев, неудовольствие это было отредактировано так „неудачно“, что трудно было понять, то ли это гневается царь, то ли его верный министр, — тем не менее, последний решил, что для большего устрашения „конституционалистов“ не худо будет им выслушать нагоняй из собственных его высокопревосходительных уст. Шипов и Стахович приглашаются в Петербург. Стахович принят был министром более чем холодно. Наговорив предводителю дворянства много неприятных вещей, которые в устах обыкновенного смертного с полным правом можно было бы счесть дерзостями, г. Плеве, между прочим, заявил, что он не представляет себе естественным и законным совмещение в лице г. Стаховича предводителя дворянства и участника подпольных совещаний и что в настоящий момент он, министр, не знает еще, где будет находиться в ближайшем будущем местожительство его собеседника. Г. Стахович отвечал, что он не считает министра в праве делать ему, как предводителю, какие бы то ни было замечания или выговоры и что он знает, когда надо будет подать ему в отставку, а уволен от должности он может быть или высочайшим указом или указом Сената. Несмотря на столь энергичный отпор временщику, г. Стахович покинул кабинет министра не с видом победителя. — Г. Шипов встретил более ласковый прием. „Я знаю, — сказал ему министр, — всю тяжесть положения, в которое поставлено в настоящее время земство. Я придаю последнему важное значение в жизни страны и сделаю все, что от меня зависит, для того, чтобы сделать земские учреждения менее зависимыми от местных правительственных органов. Я постараюсь взамен того приблизить их к центральным учреждениям империи и, понимая важность, необходимость обмена мнений земских деятелей по вопросам местной деятельности, постараюсь в бли-

жайшую же сессию Государственного Совета провести закон о периодических с'ездах представителей губернских земских собраний“. Г. Плеве до того увлекся своим либерализмом, что намекал даже на возможность установления конституционного режима, так что г. Шипову, не разделяющему конституционных воззрений, пришлось оспаривать министра самодержавного императора и указывать на более „естественный“ выход из тех затруднений, которые переживает правительство, именно на возможность возвращения к порядку допетровской Руси, девизом которой был самодержавный царь над самоуправляющейся земщиной. Не знаю, указал ли г. Плеве, что г. Шипов забыл упомянуть о необходимой спутнице самодержавного царя, о разнужданной опричнине, одним из достойных представителей коей он имеет честь состоять. Знаю только, что либеральный палач в заключение беседы упомянул и о трудности своего положения. „Таковы мои планы, — сказал он, — но осуществить их я могу при условии, если земство не будет мне ставить препятствий неуместной и вредной для дела фрондой. Я не самодержец, и мне приходится работать в сотрудничестве таких деятелей, как С. Ю. Витте. Я глубоко уважаю Серг. Юл. Он обладает ясным государственным умом и несокрушимой, не знающей усталости энергией. Но вы знаете его предубеждение против земства. Вы знаете его взгляд, что для блага России необходимо широкое развитие земских учреждений, но что для блага самодержавия необходимо упразднение земства. Нелегальные земские с'езды, вроде московского, будут лить воду не на мою мельницу...“

«Г. Плеве ошибся, однако: С. Ю. Витте успел уже изменить свои взгляды, изложенные в известной секретной записке его: „Самодержавие и земство“. С. Ю. Витте также не прочь сделаться либералом. „Я всей душой сочувствую земским начинаниям, — говорил он в беседе с кн. Долгоруковым, вызванным в Петербург также для получения реприманда. — Я понимаю, что покров ваш уезд сетью железных дорог, телеграфов, дай вам еще тысячу чиновников министерства финансов, — эти меры, если не будут обеспечены надлежащих условий для развития самостоятельности населения, будут бесполезны для его благосостояния“.

«Приятные разговоры, которые вел Плеве с Шиповым, не помешали министру закатить жесточайший разнос суджанскому предводителю дворянства Евреиннову, который вместе с председателем Суджанской уездн. земск. управы

стическому мировоззрению? Но с.-р. на несерьезный вопрос хотя бы дать серьезный ответ. Они относят к «этим классам, во 1-х, буржуазию, ибо ее «интересы удовлетворены». Этот старый предрассудок, будто интересы русской буржуазии настолько уже удовлетворены, что у нас нет и быть не может буржуазной демократии (ср. В. Р. Р.» № 2, стр. 132—3), составляет теперь общее достояние экономистов и с.-р. Еще раз: не научит ли их уму-разуму г. Струве?

Во 2-х, с.-р. относят к этим классам «мелкобуржуазные слои», «интересы коих индивидуалистичны, не определены как классовые и не формулируются в реформаторскую или революционную социально-политическую программу». Откуда сие, аллах ведает. Что мелкая буржуазия не только не охраняет вообще и всегда существующий порядок, а, напротив, нередко выступает революционной даже против буржуазии (именно: когда примыкает к пролетариату), очень часто — против абсолютизма и почти всегда формулирует социально-реформаторские программы, это известно всем и каждому. Наш автор просто сболтнул «пошумнее» против мелкой буржуазии, следуя тому «житейскому правилу», которое в одном из своих «Стихотворений в прозе» излагал, со слов «старого пройдохи», Тургенев: кричать погромче, против тех пороков, которые за собой чувствуешь.

И вот: так как с.-р. чувствуют, что единственным социальным базисом их позиции между двух стульев могут быть разве лишь некоторые мелкобуржуазные слои интеллигенции, — поэтому они пишут о мелкой буржуазии так, как будто этот термин означает не социальную категорию, а просто полемический оборот речи. Им хочется также обойти тот неприятный пункт, что они не понимают принадлежности современного крестьянства, как целого, к «мелкобуржуазным слоям». Не попробуете ли вы дать нам ответ по этому пункту, гг. с.-р.? Не скажете ли вы нам, почему это, повторяя обрывки теории русского марксизма (напр., о прогрессивном значении крестьянского отхода и бродяжничества), вы закрываете глаза на то, что тот же марксизм доказал мелкобуржуазный уклад русского крестьянского хозяйства? Не раз'ясните ли вы нам, как это могут «собственники или полусобственники» в современном обществе не относиться к мелкобуржуазным слоям?

Нет, не надейтесь! С.-р. не ответят, не скажут и не раз'яснят ничего по существу, ибо они (опять таки подобно экономистам) твердо усвоили тактику сказываться по части теории в нетях. «Рев. Россия» кивает на «В. Р. Р.» — это - де их дело (ср. № 4, ответ «Заре»), а «В. Р. Р.» рассказывает читателю о подвигах оппортунистической критики и все грозит, грозит и гро-

кн. Долгоруковым был вызван департаментом полиции для объяснения относительно участия их в составлении программы суджанского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Либеральная программа комитета, опубликованная в легальной прессе, сильно обеспокоила правящие сферы, внушив им тревогу, как бы в центре предстоящих, в присутствии царя, курских маневров не вспыхнула революция.

«Как вы могли, — кричал Плеве на г. Евреинова, — так дерзко истолковать высочайшую волю о созыве Особого Совещания, так грубо выйти из предначертанной комитету программы! Чего только не нагородили вы в своей программе. Этак вы скоро признаете, что для сельского хозяйства необходимо стрелять в высших должностных лиц империи!» — «Это вздор», пытался перекричать министра г. Евреинов, но не мог, и, красный от гнева на грубые окрики, выслушал до конца разнос. Вместе с Евреиновым и кн. Долгоруковым в Петербург по тому же поводу был вызван для объяснений суджанский податный инспектор г. Пустовитов. Последний после допроса, учиненного ему г. Витте, был допрошен г. Плеве. Кричал ли последний на него так же, как на Стаховича и Евреинова, сведений не имею, так как лицо, со слов которого передаю все вышеизложенное, под конец беседы, устыдившись, очевидно, распушенности гг. министров, поспешило разговор прекратить.

«Во избежание возможных нареканий в заключение считаю долгом оговориться, что приведенные мною речи гг. Плеве и Витте не представляют, конечно, дословного воспроизведения их бесед с земскими деятелями. Но за что я могу поручиться — это за подлинность самого смысла речей и за некоторую близость их формы к той, в которой они были выражены авторами.

«Если судить по тому, что было сказано гг. министрами, настроение их находится в периоде изменения. Изменяется, повидимому, настроение и их державного хозяина. Авторитет К. П. Победоносцева несколько упал в глазах Николая II. Его место как бы не занял... князь Мещерский. Говорят, издатель „Гражданина“ да какой-то чех-спирит Филипп в настоящее время наиболее близки к государю. Ника-Милуша спит и видит этого Филиппа. Растерявшись под натиском известий о признаках надвигающейся революции, Николай, чтобы предотвратить опасность, ничего

лучшего не придумал, как прибегнуть к... спиритизму* и проводит дни и ночи за столоверчением, вызывая дух возлюбленного родителя. И вот, что дух Александра III ему ни скажет, то Николай и сделает. В сем полезном занятии Николаю помогают вышенареченный Филипп (медиум), императрица-мать и Александра Федоровна... Бедный Ника!..

Д - р прав».

Возмутительная история на ст. Тихорецкой, о которой наш корреспондент сообщил в № 22 «Искры», продолжает занимать легальную печать. После того, как «Пет. Вед.» и другие газеты сообщили подробности этой истории, появилось официальное опровержение, исходящее от судебных властей. В опровержении заявляется, что Золотова (имя несчастной девушки) была арестована по подозрению в краже, что она никаким истязаниям и насилиям не подвергалась и неизвестно по какой причине отравилась после того, как первой ее попытке покончить с собою в первый же день ареста успели во-время помешать. Судебный следователь Пуссеп ни в чем предсудительном не уличен произведенным следствием.

А, между тем, легальные газеты продолжают говорить о «темной» истории в Тихорецкой и совершенно не обращают внимания на официальное опровержение. Вот до чего дошло русское правительство: его заявления в защиту действий чиновников не внушают уже никому никакого доверия. Столичные и провинциальные газеты продолжают верить в то, что на ст. Тихорецкой были совершены гнусные преступления служителями царского правосудия и полицейскими.

Но если общество не считается с заявлением правительства, то и правительство не считается с мнением общества. В то время, как всеобщее возмущение требует наказания негодяев, изнасиловавших и убивших Золотову, власти сообщают, что производится следствие для обнаружения виновников... тех беспорядков, которые произвели герои-рабочие, услышав о том, что случилось в арестантской камере. «Правосудие» намерено обрушиться не на головы преступ-

* Мы слышали, что «Ника» намерен пригласить на свои сеансы нашего известного специалиста по «загробным» вопросам, г-на Бердяева. (Р е д.).

зится еще пуще критику навести. Маловато этого, господа!

Соц.-рев. соблюли себя в чистоте от тлетворного влияния современных социалистических учений. Они сохранили целиком добрые старые приемы вульгарного социализма. Перед нами — новый исторический факт, новое движение в известном слое народа. Они не исследуют положения этого слоя, не задаются целью объяснить его движение характером этого слоя и отношением его к развивающемуся экономическому строю целого общества. Это все для них — пустая догма, изжитая ортодоксия. У них это проще делается. — О чем говорят сами представители поднимающегося слоя? О земле, прирезке, переделе. — Ну, вот вам и все. Вот вам «полусоциалистическая программа», «совершенно правильный принцип», «светлая идея», «идеал, который в зародышевой форме уже живет в голове крестьянина» и т. д. Надо только «очистить и разработать этот идеал», вывести «чистую идею социализма». Вы не верите, читатель? Вам кажется невероятным, чтобы эта народническая ветошь снова вытаскивалась на свет божий людьми, которые так бойко повторяют, что им книга последняя скажет? А между тем это факт, и все процитированные нами словечки взяты из заявления «от крестьянского союза» в № 8 «Рев. России».

Соц.-рев. обвиняют «Искру», что, назвав крестьянское движение последним мятежом крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство, поучают нас, может участвовать и в социалистическом движении пролетариата. Это обвинение наглядно показывает всю путаницу мысли у с.-р. Они не разобрались даже в том, что одно дело — демократическое движение против остатков крепостничества, другое дело — социалистическое движение против буржуазии. Не поняв самого крестьянского движения, они не могли понять и того, что испугавшие их слова «Искры» относятся только к первому движению. О том, что гибнущие мелкие производители (крестьяне в том числе) могут и должны участвовать в социалистическом движении пролетариата, «Искра» не только сказала в своей программе, но и точно определила условия этого участия. Но современное крестьянское движение вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма, движением. Наоборот, оно объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества. Современное крестьянское движение ведет — и приведет — к установлению не социалистического и не полусоциалистического, а буржуазного сельского уклада, очистив созревшие уже буржуазные устои нашей деревни от крепостнических пут.

ников, а на головы тех, кто посмел мужественно выразить протест против преступления.

Русская публика не так давно горячо рукоплескала тем французам, которые смело боролись против преступлений, совершенных французскими властями и судьями в деле Дрейфуса. Хватит ли у общества решимости поддержать тех, кто выступил против преступлений подчиненных гг. Муравьева и Плеве?

Интеллигенты и розга.

По поводу корреспонденции из Воронежа в № 21 «Искры» нам пишут:

«Во всем этом сообщении кроется какое-то недоразумение: никакого вмешательства со стороны офицера в дело жестокой расправы с крестьянами гражданских чинов не было, да и не могло быть, так как войска в подобных случаях присутствуют только как стража, на случай беспорядков, вполне подчиняются гражданской власти и никакого активного участия в позорном и жестоком наказании не принимают. Военные врачи также не имеют никакого права вмешиваться в действия „гражданских властей“, так как этим они нарушают дисциплину и всегда получают в ответ на свое вмешательство: „Это вас не касается, вы состоите при войсках и выскажете свое мнение, когда у вас его спросят“. Когда трое из подлежавших наказанию крестьян заявили о своей болезни, врач Чериковер, осмотрев их, заявил, что находит наказание опасным для жизни несчастных, и последние были пощажены. Таким образом, сообщенное в корреспонденции неверно и факты искажены. Обращая внимание гг. корреспондентов „Искры“ на это печальное „недоразумение“, из-за которого страдает доброе имя ни в чем неповинных людей, мы подчеркиваем необходимость как можно тщательнее проверять факты и в качестве таковых сообщать только то, что безусловно верно.

Читатель „Искры“.

От редакции: Вполне присоединяясь к пожеланию автора письма, чтобы корреспонденты тщательно проверяли сообщаемые ими сведения, мы полагаем, что в данном случае суть дела была передана корреспондентом верно. Автор письма отрицает инцидент с офицером, просив-

шим освидетельствовать всех крестьян, и с врачом Чериковером, заявившим, что, по закону, этого не требуется. Но это только мелкая подробность. После разъяснения оказывается, во-первых, что осмотрены перед экзекуцией всего трое крестьян, которые об этом просили сами и, во-вторых, что врач Чериковер просил и добился пощадить только этих трех крестьян. Радуемся за трех крестьян, освободившихся от мучений и позора, но скорбим, что «доброе имя» такого «ни в чем неповинного человека», как г. Чериковер, остается невозстановленным, ибо факт его соучастия в мучительстве и позорении остальных крестьян не опровергнут.

Да, в соучастии! Городовой Алексей Кошелев (см. corresp.) «упорно отказывался от возлагаемого на него поручения» сечь крестьян и «даже плакал», а «интеллигент» врач молча (в лучшем случае) присутствовал при жертвоприношении на алтарь русского бога, бога сто-крат проклятой розги. Бывают преступления, предотвратить которые не по силам одному человеку, но и в этом случае на порядочном человеке лежит нравственный долг протестовать в одиночку. Между жрецами розги и гражданами не должно быть ничего общего, и тот, кто имеет печальное «мужество» без протеста присутствовать при виде наглого торжества человека-зверя, тот должен знать, что его имя будет поставлено рядом с именами Хвостовых, Клокачевых и других обер-экзекуторов!

Между виленским врачом Михайловым, определявшим число ударов, которые могут вынести рабочие-демонстранты, и теми военными врачами (и офицерами вообще), которые присутствуют при экзекуциях в деревне, нет большой разницы. Всех их мы будем пригвозждать к позорному столбу, всех отдаем на суд народа и просим читателей присылать для опубликования, для посрамления имена всех «молчаливых» сообщников царских палачей.

Боймся, что автору письма так и не удалось «умыть руки» врача Чериковера. Бедная леди Макбет! Бедный врач Чериковер! Мужичья кровь не отмывается с белых рук...

Из секретных документов.

Секретно.

Копия отношения Начальника Тамбово-Уральского Жандармского Полицейского Управления железных дорог г. Управляющему дорогою, от 21 июня 1902 г., за № 115.

Впрочем, для с.-р. все это — книга за семью печатями. Они даже всерьез уверяют «Искру», что расчистка пути для развития капитализма — пустой догмат, ибо «реформы» (60-х годов) «и расчистили (!) полный (!) простор развитию капитализма». Вот до чего может дописаться бойкий человек, которым владеет бойкое перо и который воображает, что «от крестьянского союза» всячинка сойти может: крестьянин не разберет! — Но подумайте, пожалуйста, любезный автор: не слыхали ли вы когда-нибудь, что остатки крепостничества задерживают развитие капитализма? Не кажется ли вам, что это даже почти тавтология? И не читали ли вы где-нибудь об остатках крепостничества в современной русской деревне?

«Искра» говорит, что предстоящая революция будет буржуазной революцией. С.-р. возражают: она будет «прежде всего революцией политической и до известной степени демократической». Не попробуют ли объяснить нам авторы этого милого возражения, — была ли когда-либо в истории, мыслима ли вообще такая буржуазная революция, которая бы не была «до известной степени демократической»? Да ведь и программа самих с.-р. (уравнилельное пользование землей, перешедшей в собственность общества) не выходит еще из рамок буржуазной программы, ибо сохранение товарного производства и допущение частного

хозяйства, хотя бы и на общей земле, нисколько не устраняет капиталистических отношений в земледелии.

Чем легкомысленнее относятся с.-р. к элементарнейшим истинам современного социализма, тем легче сочиняют они «элементарнейшие дедукции», гордясь даже тем, что их «программа сводится» к таковым. Рассмотрим все эти три дедукции, которые, вероятно, надолго останутся памятником остроты ума и глубины социалистических убеждений с.-р.

Дедукция № 1: «Уже теперь большая доля территории России принадлежит государству — надо, чтобы вся территория принадлежала народу». «Уже теперь» умиленные ссылки на государственное землевладение в России набили нам оскомину в произведениях полицейских народников (à la Сазонов и др.) и разных катедер-реформаторов. «Надо», чтобы в хвосте за этими господами поплелись именующие себя социалистами да еще революционерами. «Надо», чтобы социалисты подчеркивали мнимое всеислие «государства» (забывая даже, что большая доля государственных земель сосредоточена на необитаемых окраинах страны), а не классовую противоположность полукрепостного крестьянства и привилегированной горсти крупных землевладельцев, которые владеют массой лучших возделанных земель и с которыми «государство» всегда жило душа в душу. Вообра-

До сведения моего дошло, что служащие на Рязанско-Уральской железной дороге, находя в районе железной дороги различного рода воззвания, прокламации и т. п. издания преступного содержания, не передают таковые немедленно, как бы то следовало, чинам вверенного мне Управления, а представляют в порядке подчиненности начальствующим над ними лицам до начальников служб включительно, при чем прокламации и воззвания эти представляются не секретно, а свободно прочитываются в конторах служб и затем часто затериваются, или уничтожаются.

Находя такой порядок совершенно неудобным во многих отношениях, честь имею покорнейше просить вас, милостивый государь, не отказать сделать распоряжение, чтобы служащие на железной дороге лица, находя или получая прокламации и воззвания преступного содержания, немедленно передавали таковые чинам вверенного мне Управления.

Подлинное с надлежащей подписью.

С подлинным верно: Правитель Дел
В. Шихов.

Встревоженный помпадур.

Предписание, разосланное 17 июля 1902 г. нижегородским губернатором всем земским начальникам губернии.

«Имея в виду, что враги отечества, наводняющие империю, успели проникнуть и во вверенную мне Нижегородскую губернию, предписываю немедленно объехать все волости, призывая самих крестьян на борьбу с этими врагами, так как полиция и жандармы слишком малочисленны и бессильны; а потому заставить крестьян захватывать всех проходивших, раздающих вредные книжки, листки и газеты, и представлять их немедленно мне, при чем внушить крестьянам, что они строго ответят, если впоследствии окажется, что такие люди проходили через их селения и не были ими задержаны. Надеюсь, что среди крестьян много найдется сторонников порядка и благополучия и что они окажут содействие друг другу в смысле лучшего исполнения предписания начальства».

Подписал губернатор генерал-лейтенант
Унтербергер.

Земские начальники Макарьевского уезда, Нижегородской губ., получили на-днях такую телеграмму из министерства внутренних дел: «Немедленно отобрать сведения о слухах, какие ходят среди крестьян о наделе их земель».

Пермь. Купец Мешков, арестованный 6 февраля (см. № 19 «Искры»), был через несколько дней, после того как он внес 10 тысяч руб. залога, выпущен. Арестованный 1 февраля, благодаря проискам и доносу инженеров Мотовилихинского пушечного завода, и через 5 дней выпущенный, помощн. присяжн. пов. В. Н. Трапезников был 12 февраля вновь арестован и находится до сих пор в тюрьме. Одновременно с обыском и арестом в первый и второй раз у Трапезникова был произведен тщательный обыск в редакции газеты «Пермский Край», в которой Трапезников был одним из главных сотрудников. Также был произведен обыск в типографии, где эта газета печатается.

Арест Трапезникова вызвал безграничную радость и ликование среди местных представителей бюрократии и капитала.

Реакционная газета «Урал» с нескрываемой радостью поспешила возвестить миру, что наконец-то Трапезников (он же, как подозревала газета, писавший под псевдонимом Всев. Мирского), находится в верном и крепком, по выражению газеты, «футляре». Не скрывали своей радости и гг. инженеры пушечного завода, самодурство, произвол и держимордовские наклонности которых по отношению рабочих неоднократно разоблачались на страницах «Пермского Края».

Пермь. Одним казенным заводом Пермского уезда получена от окружного инженера секретная бумага, в которой предлагается управляющему сообщить подробные сведения о числе евреев, занятых на заводе работами, характером их должностей и проч. Не предполагая исключительность этого завода, думаем, что подобные бумаги разосланы на все уральские заводы. К сожалению, нам не представилось возможным скопировать означенный циркуляр; в случае, если такая возможность представится, не замедлим прислать копию.

жая, что они выводят чистую идею социализма, наши с.-р. на самом деле пачкают эту идею не критическим отношением к старому народничеству.

Дедукция № 2: «Уже и теперь земля перетекает от капитала к труду — надо, чтобы этот процесс был завершен государством». Дальше в лес — больше дров. Сделаем еще шаг к полицейскому народничеству, будем призывать (классовое!) «государство» к расширению крестьянского землевладения вообще. Это замечательно социалистично и удивительно революционно. Но чего и ждать от людей, которые покупку и аренду земли крестьянами называют не переходом земли от крепостников помещиков к сельской буржуазии, а переходом «от капитала к труду». Напомним этим людям хотя бы данные о фактическом распределении «перетекающих к труду» земель: от 6 до 9 десятых всей купчей крестьянской земли и от 5 до 8 десятых аренды сосредоточивается в руках одной пятой доли дворов, т. е. у небольшого меньшинства зажиточных. Судите по этому, много ли правды в словах соц.-рев., когда они утверждают, что на зажиточных крестьян «мы не рассчитываем», а только на «чисто трудовые слои»?

Дедукция № 3: «Крестьянин уже имеет землю и пользуется ею в большинстве случаев в уравнительном распределении, — надо, чтобы это трудовое пользование было

доведено до конца... и завершилось бы через развитие всякого рода коопераций коллективным земледельческим производством». — Поскребите соц.-революционера, и вы найдете г. В. В.³! Как только дошло до дела, все старые предрассудки народничества, преблагополучно сохранившиеся под прикрытием увертливых фраз, выползли тотчас же наружу. Государственное землевладение — завершение государством перехода земли к крестьянству — община — кооперация — коллективизм — в этой великолепной схеме гг. Сазонова, Юзова, Н. — она, соц.-революционеров Гефштеттера, Тотомианца и пр. и пр.⁴, — в этой схеме не хватает совсем маленькой мелочи. В ней нет ни развивающегося капитализма, ни классовой борьбы. Да и откуда было взяться этой мелочи в головах людей, весь идейный багаж которых состоит из лохмотьев народничества и нарядных заплат модной критики? Разве не сказал сам г. Булгаков, что в деревне нет места для классовой борьбы? Разве замена классовой борьбы «всевозможными кооперациями» не удовлетворит и либералов, и «критиков» и вообще всех тех, для кого социализм есть не более, как традиционная вывеска? И разве нельзя попробовать успокоить наивных людей утверждением: «мы, конечно, чужды всякой идеализации общины», хотя рядом с этим утверждением вы читаете колоссальное фразерство о «колоссальной организации мирского кре-

Циркуляр этот получен спустя некоторое время после грандиозной стачки на Воткинском казенном заводе, Вятской губ., во главе движения стоял молодой еврей, 18 лет. Думаем, что между этим фактом и рассылкой циркуляра есть причинная связь.

Из губернаторских нравов.

I. «Клин» в Могилев едет!

Товарищ прокурора виленского окружного суда; полицмейстер Вильны — благодаря женьтибе на содержанке своего шефа — виленского ген.-губернатора Троцкого; герой известной истории насильственного закрытия востела в Крожах, Ковенской губ., сопровождавшегося варварской бойней; вятский губернатор, отличившийся борьбой с голодающими, вытравлением всех свободных элементов из земства — задушение единственной вятской газеты «Вятский Край» — такова карьера и главные подвиги вятского губ. Клингенберга, переведенного в награду сначала во Владимир, а теперь в Могилев.

Мерзавец, пьяница и развратник, он давил постоянно, систематично, с циничным презрением к подданным его величества. Цель его правления была — вытравить из обывателя даже мечту о свободном вздохе.

Цинизм его доходил до того, что, обезличив вятское губ. земское собрание введением туда своих клеветоз и вытравив все свободные элементы, он решился похвалить его: «Я рад, что теперешний состав собрания стоит на высоте своего призвания: раньше (при Батуеве!) больше говорили, теперь — больше делают!»

В 1898 г. он сажал под арест старшин, сообщавших о голоде.

В 1901 г. он издал известный циркуляр к крестьянам, чтобы они голодали «своими средствами», не надеясь на поддержку правительства: задача последнего — собирать издаты, а вовсе не кормить своих плательщиков!

Тогда же, в июле, он совершил поездку по губернии для выяснения размеров недорода. В одном селе его встретили крестьяне с хлебом-солью.

«Ну, на долго ли у вас хлеба хватит?» — спросил «Клин». — «Да до Нового года может хватить, а там уж не

знаем как», — был ответ. «А! до нового года хватит, ну, очень рад, что у вас все благополучно, и вы в помощи, значит, совсем не нуждаетесь», — сказал «Клин» опешившим крестьянам, и не подозревавшим, что его превосходительство может сделать передержку их слов, подставив под «Новый» гражданский год — год сельско-хозяйственный!

По уездным городам он держал советы со с'ездами земских начальников и земскими управами о борьбе против голодающих. На одном из этих совещаний какой-то земский начальник заявил, что он выдал хлеб из запасных магазинов, не дождавись распоряжения губернского правления: нужно было сеять, а денег не было.

— Прекрасно, г. земский начальник! — заметил «Клин». Ну, а если крестьяне не внесут хлеб в магазины, как вы думаете, кто заплатит за него? — Тот в смущении молчал. — Да вы, г. земский начальник, вы!

В одном из более либеральных уездных земств был выработан проект общественных работ на сумму около 300 тысяч руб. При посещении этого уездного городка «Клином» председатель управы явился к нему и изложил этот проект.

— Прекрасно! Превосходно! Как это стройно задумано, как это практично! — похвалил «Клин». — Ну, а как вы думаете, откуда вы деньги достанете для проведения этого прекрасного проекта? «Мы надеемся на помощь правительства» — отвечал председатель. — Напрасно, г. председатель, напрасно! Всегда нужно надеяться только на себя, только на себя!

Но вот «Клин» во Владимире. И он не уберется от влияния новой политики г. Зубатова, вдохновителя московского района. Увы! И ты, Брут, занялся социальной политикой! И ты стал заботиться о меньшем брате!

Но как бы вы думали, в чем выразилась его забота? — Он издал циркуляр к фабрикантам: по сообщениям подведомственных ему чинов оказывается, не на всех фабриках имеются каталажки для вырезвления пьяных рабочих, а если есть, то не соответствуют всем требованиям науки. Поэтому он предлагает гг. фабрикантам позаботиться об устройстве каталажек и о поднятии их на должную высоту согласно последнему слову науки!

Итак, «Клин» едет в Могилев! Берегитесь, гг. могилевцы!

стьянства», о том, что «в известных отношениях ни один класс в России так не подталкивается к чисто (!) политической борьбе, как именно крестьянство», что крестьянское самоопределение (!) своими границами и компетенцией далеко шире земского, что это соединение «широкой... (до самой околицы?)... самостоятельности» с отсутствием «элементарнейших гражданских прав» «точно нарочито было придумано для того, чтобы... будить и упражнять (!) политические инстинкты и навыки общественной борьбы». Не любо — не слушай, а...

«Надо быть слепым, чтобы не видеть, насколько легче перейти к идее социализации земли от традиций обычного управления землей». Не наоборот ли, гг.? Не являются ли безнадежно слепыми и глухими те, кто до сих пор не знает, что именно средневековая замкнутость полукрепостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы и связывающей по рукам и ногам сельский пролетариат, поддерживает традиции косности, забитости и одичалости? Не побиваете ли вы сами себя, признавая пользу отхода, который уже на три четверти разрушил пресловутую уравнительность общинных традиций и свел эти традиции к одной полицейской склоке?

Программа-минимум соц.-рев., будучи основана на вышеразобранной теории, является настоящим курьезом. Два пункта в этой «программе»: 1) «социализация земли,

т. е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся»; 2) «развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономической кооперации... (для «чисто» политической борьбы?)... для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала... (под власть промышленного?)... и для приготовления грядущего коллективного земледельческого производства». Как солнце в малой капле вод, отражается в этих двух пунктах весь дух современного «социал-революционизма». В теории — революционная фраза вместо продуманной и цельной системы воззрений, на практике — беспомощное подхватывание того или иного модного средства вместо участия в классовой борьбе — вот все, что у них есть. Поставить рядом в программе-минимум социализацию земли и кооперацию, для этого необходимо было, признаемся, редкое гражданское мужество. Наша программа-минимум, с одной стороны, — Бабеф⁵, с другой — г. Левитский⁶. Это неподражаемо.

Если бы можно было серьезно отнестись к этой программе, то нам бы пришлось сказать, что, обманывая себя звуком слов, соц.-рев. обманывают и крестьянина. Это — обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и готовят коллективизм, а не укрепление сельской бур-

II. «Либерал» у власти.

Тяжелы были годы воеводства «Клина» для вятских обывателей! Но вот судьба сжалась над ними и при-слала либерала: костромского помещика, енисейского вице-губернатора Хомутова.

Чем же отличается деятельность сознательного, циничного слуги самодержавия от либерально-размягченного исполнителя предначертаний предрекающей власти? Да просто тем, что первый вел прямо и последовательно свою линию: он знал, что все его укротительные меры встретят одобрение свыше. Благодаря этому, для обывателя создавалась своего рода определенность. Второй же не прочь иногда полиберальничать, повздыхать об объединении власти с народом, а глядишь, пока он вздыхает — вожжи-то немного и поослабли! Но лишь только в его размягченную душу вкрадывается, яко тать в ночи, подозрение: «А вдруг „наверху“ об этом узнают? А вдруг мною недовольны будут?» — как он обрушивается на ничего не ожидающего обывателя с нелепыми, показывающими лишь его растерянность карами.

Особенно вятским ссыльным пришлось испробовать на себе эту систему. «Клин» в конце этого года разогнал всех ссыльных из Вятки по уездным городам. Но вот появился либеральный воевода и на радостях повышения по службе разрешил им всем вернуться в Вятку. — «Я уважаю людей, которые имеют самостоятельные взгляды, — сказал он одному из них, но зачем же навязывать их другим? Пожалуйста, воздержитесь от этого!» Не правда ли, как мягко, как деликатно и либерально?

Но не долго продержался мир на земле! Из Питера был выслан в Вятскую губ., а Хомутовым определен в уездный город Глазов зубной врач Кершнер *. Его послали сюда до приговора: он выдержал две голодовки (в Предварилке и Пересыльной) и добился своего освобождения. Приехал он в Глазов, еще не оправившись от голодовок, желтый и расстроенный. И вот жил он там тихо и мирно да зубы у обывателей рвал. Как вдруг у него производят обыск и хотя ничего не находят, но все-таки высылают в с. Уни того же уезда, где он принужден жить в пол-

* Был арестован в апр. 1901 г. с листком Петербургской группы «Социалист».

ном одиночестве под надзором станового. За что же? Да по подозрению, что он поддерживает сношения с заграницей, где он жил некогда!

Это была первая «квитанция» либерала у власти. Не замедлила последовать и вторая.

В Малмыже ссыльные, истомленные своим бессмысленным существованием, оторванные от жизни, принужденные вариться в своем собственном соку, но в то же время получая отовсюду известия, что в остальной России жизнь повсюду кипит, решили хоть чем-нибудь выразить свое настроение, хоть чем-нибудь доказать, главным образом себе, что они еще не умерли духом. И вот они решили справиться 1-е мая, пройдясь по городу попарно с красными бантами в петлицах...

«Демонстрация! Крамола! А ну, как это припишут мне, моему либеральному образу мыслей?! Загнать их туда, куда Макар телят не гоняет!» И, действительно, как вы уже знаете, 6 человек разослано по глухим деревням, как, напр., Березовские Починки, куда можно проехать летом лишь верхом. Произойди такая история в другом месте, виновники «демонстрации», вероятно отделались бы месяцем-двумя высылки. Но ведь это ссыльные, с ними губернатор что хочет может сделать, и вот «либерал», дрожа за свою шкуру, наказывает их второй ссылкой, которая не уступит сибирской!

Теперь нам сообщают третий факт. Старик Балашев кончил свой надзор и уезжал из Вятки. Товарищи пошли провожать его на пароход и при отходе последнего кричали обычные дорожные приветствия. Полиция донесла «либералу»: демонстрация! — кричали: «Долой правительство!». Губернатор приказал разослать указанных полицией мнимых организаторов мнимой демонстрации — Спицына, Стучку и Шульца — по деревням. Но эти лица доказали ему, что никакой демонстрации не было, либерал смилостивился и отменил с перепугу отданное распоряжение.

Таковы «квитанции», выданные «либералом у власти» вятским ссыльным. Мы надеемся, что наши товарищи ссыльные разочтутся по ним: они употребят все усилия, чтобы осветить и заклеить каждый растерянный шаг этого «либерала», и будут энергичнее собирать и присылать нам все материалы по борьбе с голодающими и, вообще, по хронике общественно-политической жизни в Вятском крае.

жуазии. Это — обман, будто как «минимум», как нечто столь же близкое, как кооперация, можно ставить в виду «крестьянства» — социализацию земли. Всякий социалист пояснил бы нашим соц.-рев., что уничтожение частной собственности на землю может быть теперь лишь непосредственным преддверием уничтожения ее вообще, что одна передача земли в «пользование трудящихся» еще не удовлетворила бы пролетариат, ибо миллионы и десятки миллионов разоренного крестьянства не в состоянии уже вести хозяйства на земле, даже если бы она у них была. А снабжение этих разоренных миллионов орудиями, скотом и пр. было бы уже социализацией всех средств производства и требовало бы социалистической революции пролетариата, а не крестьянского движения против остатков крепостничества. Соц.-рев. смешивают социализацию земли с ее буржуазной национализацией. Эта последняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисе капитализма, без уничтожения наемного труда. Но именно пример тех же соц.-рев. наглядно подтверждает ту истину, что выдвигать требование национализации земли в полицейском государстве значит затемнять единственно революционный принцип классовой борьбы и подливать воду на мельницу всякой казенщины.

Мало того, соц.-рев. спускаются и до прямой реакционности, когда встают против требования проекта нашей

программы: «отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель». Во имя народнического предрассудка об «общинном начале» и «уравнительном принципе» они отказывают крестьянину в таком «элементарнейшем гражданском праве», как право распоряжаться своей землей, они благодушно закрывают глаза на словесную замкнутость действительной общины, они становятся защитниками полицейских запрещений, установленных и поддерживаемых «государством»... земских начальников! Мы думаем, что не только г. Левитский, но и г. Победоносцев не очень испугаются требования социализации земли для уравнительного пользования ею, раз это требование выдвигается как минимум, наряду с которым фигурируют и кооперации и защита полицейского прикрепления мужика к обеспечивающему его казенному наделу.

Пусть послужит аграрная программа соц.-рев. уроком и предостережением для всех социалистов, наглядным примером того, к чему приводит безыдейность и безпринципность, называемая некоторыми легкомысленными людьми свободой от догмы. Как только дошло до дела, у соц.-рев. не оказалось налицо ни одного из трех условий, необходимых для выставления последовательной социалистической программы: ни ясной идеи о конечной цели, ни правильного понимания того пути, который ве-

Из Малмыжского уезда нам сообщают, что арестован кружок из 3 крестьян и 3 мещан, обвиняемых в совместном чтении нелегальной литературы. Этот кружок открыт через одного парня, который был будто бы подкуплен урядником, протерся в кружок и затем выдал всех.

Мариуполь. Кризис у нас сказался самым заметным образом: из 10.000 занятых рабочих осталось едва 800 человек. Два крупнейших завода — бельгийский «Никополь-Мариупольский» и французский «Провиданс» — совсем прекращают свою деятельность. Интересна история их возникновения и развития. Правительство, как известно, проявляет стремление привлечь иностранные капиталы; для поощрения оно каждый раз обещает определенный заказ. Так, Никополь-Мариупольскому заводу был обеспечен заказ в 2 миллиона рублей на трубы. Оборудование завода обошлось в 15 миллионов, оборудование «Провиданса» — 20 милл. Начинается приемка. Придирчивая браковка приводит к тому, что заказ ничего не приносит. Печен заказа второго не дают, ссылаясь на плохое исполнение первого, и вот завод замирает... Немишуема ликвидация. Этого-то и ждет правительство. За бесценок оно берет завод «в казну», или же завод попадает в русские руки. А в это время тысячи голодающих рабочих выбрасываются вон. Такая политика правительства — общее явление по всему югу. Не мало голодных смертей вызывает его любовь к России — то-бишь к русскому капиталу.

Петербург. Из числа петербургских студентов, приговоренных по студенческим делам к тюремному заключению от 3—6 месяцев, несколько человек подали прошения о помиловании и тотчас же были освобождены, приняты снова в университет и им разрешено было весною же держать экзамены.

Фамилии этих студентов: 1. Бутин де Кацман (горн.), 2. Медведев (унив.), 3. Пивоваров (техн.), 4. Куликовский (техн.), 5. Бебешин, 6. Михеев (горн.). Кроме того, многие студенты подавали прошение о пересмотре их дела министру или градоначальнику и тоже были тотчас освобождены.

Ставрополь. (Сообщено Ростовской группой «Искры»).

Слухи о крестьянских беспорядках в Полтавской и Харьковской губ. встревожили ставропольского губернатора, старого помпадур Никифораки, настолько, что он под шумок и со страха начал распространять слухи о готовящихся демонстрациях в городе Ставрополе и его уезде. Дело дошло даже до того, что он завел в городе совместно с жандармским ротмистром сыскное отделение, усилил количество городских, а в начале мая задержал целый батальон солдат местного резерва для усмирения якобы готовящихся беспорядков и выписал целую сотню казаков. На вокзале жел. дороги день и ночь сновали городовые и жандармы, своим видом тревожа исконно мирного ставропольского обывателя. Всякое ловое приезжающее в город лицо тщательно на вокзале осматривалось в виду того, что жандармы и полиция ждали «крамольников» с вокзала... Таким образом, мирный пошехонский город Ставрополь в глазах напуганной администрации явился очагом революции и очутился в осязном положении, в котором его держали с середины апреля до июня месяца. Помпадуры со дня на день ждали восстания. И, действительно, Никифораки получал все это время угрожающие подметные письма.

На столбах и заборах улиц города появились угрожающие надписи, как, напр.: «Жизнь или смерть». Среди обывателей царит паника, а в предместьях города Каменной Ломке, сосредоточии беднейшего населения города, шли толки о том, что нужно перебить всех чиновников и бар, что все скоро будет по-иному и т. д. Словом, под влиянием действий напуганной администрации, с одной стороны, и под влиянием проникших слухов о полтавских и харьковских беспорядках — с другой, издавна недовольное население Каменной Ломки и Воробьевки начинало мало-по-малу задумываться над истинным положением вещей... Но отсутствие инициативы у революционной интеллигенции гарантировало городу его сонное прозябание, хотя в этот момент достаточно было бы разумно брошенного революционного слова, чтобы организовать демонстрацию.

Жандармы и полиция совместно с помпадуром металась, как угорелые, и делали все от них зависящее, чтобы вызвать демонстрацию. На ярмарке в конце мая ходили патрули солдат и отряды городских и всех приезжающих

дет к этой цели, ни точного представления о действительном положении дел в данный момент и о ближайших задачах этого момента. Конечную цель социализма они только затемнили, смешав социализацию земли с ее буржуазной национализацией, спутав примитивную крестьянскую идею о мелком уравнительном землепользовании с учением современного социализма о переходе всех средств производства в общественную собственность и об организации социалистического производства. Их представление о пути, ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой классовой борьбы развитием кооперации. В оценке данного момента аграрной эволюции России они забыли мелочь: остатки крепостничества, давшие нашу деревню. Знаменитая тройца, выражавшая их теоретические взгляды: интеллигенция, пролетариат и крестьянство — дополняется не менее знаменитой «программной» тройцей: социализация земли — кооперации — прикрепление к наделу.

Сравните с этим программу «Искры», которая указывает единую конечную цель всему борющемуся пролетариату, не сводя ее до «минимума», не принижая ее ради приспособления к идеям некоторых неразвитых слоев пролетариата или мелких производителей. Путь для достижения этой цели один и в городе и в деревне — классовая борьба пролетариата против буржуазии. Но

кроме этой классовой борьбы продолжает еще вестись в нашей деревне и другая: борьба всего крестьянства против остатков крепостничества. И в этой борьбе партия пролетариата обещает свою поддержку всему крестьянству, стараясь указать настоящую цель его революционному порыву, направить его восстание против его настоящего врага, считая нечестным и недостойным относиться к мужику, как к подопечному, скрывать от него, что он может добиться в настоящее время и немедленно только полной отмены всех следов и остатков крепостничества, только очищения пути для более широкой и более трудной борьбы всего пролетариата против всего буржуазного общества.

[Н. Ленин]

на ярмарку осматривали, опрашивали и т. д., тормозили даже торговлю, так что ярмарка кончилась до срока и в коммерческом отношении не удалась, чем вызвано было недовольство среди торговцев и крестьян, обыкновенно скупающих на этой ярмарке свой скот. Увеселения ярмарочные были отменены, всякое неизбежное на ярмарках скопление народа разгонялось самым бесцеремонным образом. Особенно в этом отношении отличался полицмейстер Герценвиц, бывший земский начальник. Он пускал в ход свои кулаки и нагайку, традиционную меру усмирения недовольных. Жандармы даже сделали набег на две квартиры мирных обывателей, ища в них «корней и нитей», отобрали при обыске кинжал и палку. Но «ствропольская революция», созданная воображением помпадур, которому не давали спать лавры харьковского помпадур, экзекутора Оболенского, все-таки не проявилась. А, между тем, вместо «крестов и орденов» Никифораки получил нахлобучку из Петербурга за то, что задержал батальон солдат, тогда как он первого мая должен был уйти на маневры.

Киев. В ясный субботний день 29 июня в Голосеевском лесу за предместьем г. Киева (Демиевкой) было схвачено около 100 человек рабочих и несколько интеллигентов. По словам одного полицейского, гулявших в лесу под праздник рабочих (для евреев суббота вменяет в обязанность гулять под открытым небом) захватили как социалистов «на собрании». Это «собрание» гулявших горожан прослежено было монахом из «Голосеевской Пустыни» (монастырь), давшим знать о своих подозрениях полиции. Когда появилась в лесу полиция с солдатами, многие гулявшие по лесу горожане стали разбегаться в разные стороны, но в виду выстрелов со стороны полиции некоторые (преимущественно женщины и близ них бежавшие мужчины) остановились и дали полиции возможность окружить себя. У арестованных были произведены обыски, и те из них, у кого найдено что-нибудь нелегальное (а у кого по нынешним временам нелегалщины не бывает?), задержаны и посажены в Лукьяновскую тюрьму (14 человек). Нечего и говорить, что многие из гулявших в лесу горожан, пойманные полицией, несмотря на заявления о своей непринадлежности к какому-то неизвестному им «собранию», несмотря на отсутствия, были арестованы, обысканы и провели не одну тревожную ночь в отвратительных условиях наших участков.

Нам пишут из Одессы, что в Одесском уезде в июне месяце был распространен среди крестьян гектографированный листок, экземпляр которого прислан в редакцию. «Каждый экземпляр читался и перечитывался и производил впечатление. Полиция рыщет, как сумасшедшая, в хвасте каких-либо вещественных доказательств их виновности и держит ни в чем неповинных крестьян». Большой спрос на социал-демократическую литературу.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Баку. 3 мая. Быстро выросший центр нефтяной промышленности, Баку еще недавно представлял царство исключительных интересов биржи и ажиотажа. Магическое слово «фонтан» кружило голову всему, имевшему то или иное отношение к нефтяной промышленности. А отношение имел почти всякий бакинский житель; прямо или косвенно все были заинтересованы в нефтяных делах, всякий надеялся отвести в свой канал что-нибудь из золотого дождя миллионов. Деньги лились рекой! Капиталы наживались и прожигались с американской бы-

стротой. Напоминание об общечеловеческих интересах прозвучало бы резким и смешным диссонансом в этом царстве рыцарей первоначального накопления. Только жестокие зверства в Турецкой Армении на время всколыхнули армянскую часть населения, и революционная национально-армянская пропаганда имела временный успех, поддержанный начавшейся эрой преследований армянского языка и национальности со стороны русского правительства. С наступившим затишьем в Турецкой Армении сошла с видимой сцены и Армянская Революционная Партия в России, как партия действия, сохраняя, однако, за собой симпатии сознательной части армянского населения. Армянские революционеры имели в Баку и революционные кружки среди рабочих. Мы не говорили до сих пор о последних. Горячке наживы на одной стороне соответствовало глухое недовольство угнетенного рабочего населения, которому, кроме нищеты, страданий да увечий, ничего не доставалось. Но, не просветленное социал-демократической пропагандой, недовольство выражалось в актах разрушения и мщения, да в бунтах, кончавшихся нередко жестокими побоищами между крестьянскими и мусульманскими рабочими. Мусульманское население в Баку самое многочисленное (по неточным сведениям здесь около 70.000 мусульман, около 50.000 армян, 30—40 тысяч русских, остальные — грузины, немцы, евреи, иностранцы). Мусульмане — большей частью персидско-подданные — приезжают сюда временно для заработков. Привыкнув у себя на родине к еще худшему политическому и экономическому гнету, они смотрят на Россию чуть ли не как на страну свободы и благополучия. К тому же крайне низкий уровень их потребностей делает их опасными конкурентами для рабочих-христиан и служит постоянной причиной взаимного недовольства и вражды. Из них-то состоит вся масса «амбалов» — рабочих на пристанях и низших промысловых рабочих. Обученных рабочих и ремесленников среди них нет. Описанная духовная атмосфера в Баку стала сильно изменяться за последние 2 года. Нефтяная промышленность стала входить в более постоянное русло, горячка быстрой наживы стала исчезать. Разразившийся затем кризис нефтяной промышленности закончил этот процесс. Средний и мелкий люд потерял иллюзии быстрого обогащения, а печальная действительность в виде расчетов служащих, понижения жалования и проч. стала проявляться очень ощутительно. В это время (1900—1901) в главных центрах России началась уличная агитация, и революционное движение, до того скрываемое под спудом, выступило на свет божий. Гул революционной борьбы донесся и до Баку, и под влиянием толчков жизни бакинцы на этот раз стали прислушиваться к нему с интересом и вниманием. Студенческие бюллетени, листки и вообще нелегальная литература стали сильно циркулировать по городу. В то же время началась и более правильная соц.-демократическая пропаганда среди здешних рабочих.

В зиму 1901—1902 г. здесь имело место несколько забастовок на заводах и в ремесленных мастерских, прошедших мирно и закончившихся уступками рабочим. Начало 1902 года ознаменовалось первыми жертвами социал-демократической пропаганды. В Баку арестовано было около 30 рабочих и несколько интеллигентов. Между тем, кризис с его безработицей, массовыми выселками безработных рабочих (до десятка тысяч), понижение платы и пр. усиливало недовольство среди бакинских рабочих и интерес к соц.-демократической пропаганде, а среди сознательной части рабочего населения вызвал стремление к более активной деятельности, укреплял убеждение в неизбежности открытой борьбы с самодержавием. Началась тайная агитация. Бакинский соц.-демократический Комитет решил выступить открыто. Осень и зиму он усердно распространял по рукам нелегальную литературу (брошюры и газеты «Искру» и «Южный Рабочий») и общерусские листки (о 19 февр. и проч.). По поводу мартовских арестов в Баку он выпустил листок уже за своею подписью. В конце апреля Комитетом были распространены: майский листок «Искры», собственный листок «Комитета» (печатный) и воззвание к обществу (гектогр.). Кроме него, циркулировало воззвание «К кавказской интеллигенции» (гектогр.), выпущенное группой соц.-демокр. Все эти листки разбрасывались, расклеивались на заводских

зданиях и на всех улицах и с жадностью читались всем населением без различия положений. Под влиянием усиленной устной и печатной агитации число желающих участвовать в демонстрации среди рабочих стало сильно возрастать, и Комитет назначил ее на 21 апреля. Мы не станем повторять всех подробностей ее, описанных в корреспонденции рабочего-участника демонстрации. Демонстрация вышла менее многочисленной, чем ожидалась: благодаря случайности, знамя развернуто было ранее условленного времени, и вместо 800 человек, на которых можно было рассчитывать с уверенностью, с Парашета двинулось всего человек 300. Тем не менее, ее надо признать безусловно удавшейся. Цель ее достигнута: повсюду только и разговоров, что о демонстрации; публика, не читавшая еще листов, стала усиленно искать их; все удивляется, что в Баку могла утратить подобная демонстрация. Крик: «Долой самодержавие» разнесен по всему городу и повторяется каждым мальчишкой. В рабочей среде демонстрация произвела отличное впечатление. Она подняла дух рабочих и дала им уверенность в своей силе. Бакинские рабочие сразу поднялись в мнении своем и публики, и этот рост тотчас же был учтен жизнью.

1 мая рабочие на некоторых заводах и промыслах предъявили администрации свои требования и получили удовлетворение. Во многих же заведениях рабочие заявляли администрации о том, что не будут работать 1 мая. [Файнберг]

В Батуме ликуют: по просьбе Ротшильда вызваны из деревень рабочие (1.500 ч.), высланные в феврале административным порядком. Вернувшись в город, рабочие предъявили требования: освобождение арестованных, обеспечение семейств убитых и раненых, уплата жалованья за 3 месяца, сокращение на полчаса раб. дня, удаление шпионов и взяточников — приказчиков, увеличение заработной платы, сокращение детского труда до 6 ч. и пр. 3 недели вызванные рабочие не соглашались приступить к работе. 22 июня требования (почти все) удовлетворены. Началась стачка на заводе Хачатурова (300 чел.). Требования те же. Завод Манташева удовлетворил стачечников еще в марте. Батумская группа (соц.-дем.) выпустила с начала событий ряд листов на грузинском яз. (печатных). [Файнберг]

Симферополь, 26 июня. За последнее время по всем городам Крыма возникают новые и восстанавливаются прежде существовавшие соц.-демократические рабочие организации. Сравнительное обилие интеллигенции; сравнительно высокий культурный уровень рабочей среды; отсутствие крупной промышленности и, следовательно, массовой агитации; наконец, либеральные традиции в буржуазном обществе, издавна отличавшие Крым, — все это указывает на ту специальную функцию, которую должны взять на себя и в состоянии осуществить крымские организации: сделаться поставщиком для южной России передовых рабочих-агитаторов и руководителей массового движения. Быстро разрастающееся движение в больших городах в связи с целым рядом технических и случайных затруднений до крайности затрудняет постановку там правильной пропаганды. Следствием является отсутствие вожakov у рабочей массы, поверхностность их — со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями, вроде приостановки движения из-за арестов нескольких передовых рабочих. Нам недостает постоянно функционирующей «школы социализма», лаборатории революционеров — и Крым, по местным условиям, может восполнить этот пробел. Крымским организациям надо только теснее сплотиться, устраняя элемент случайности из своей работы, совместными силами обеспечивая правильное питание местного движения и ведя по общему плану и под взаимным контролем пропаганду социализма и «практические революционные занятия» (так называют рабочие беседы об агитации, о тактических вопросах и о таких вопросах русской жизни, как финансовая политика или земский вопрос). Думается, что при незначительности крымских расстояний и при назревшей уже потребности разрешение этого вопроса не заставит себя долго ждать.

Пока же, в виду того, что в «Искре» не было еще корреспонденций от нас, следует отметить, что у нас вообще делалось за последнее время. В Симферополе листки местной организации были выпускаемы (в гектографированном виде): 1) по поводу 19 февр. — на тему о классовом антагонизме, о силе народных масс и необходимости политической свободы; 2) 4-го марта об общих причинах демонстраций и их значении; 3) 27-го марта — обозрение и оценка событий за последний месяц — выстрел Алларт, ссылка в Сибирь 95 студентов и т. п.; 4) майский листок; 5) 13-го мая, по поводу казни Балмашева и выстрела Леккерта — за подписью «Симферопольский Соц.-Демократ. Рабочий Союз». Прокламации распространялись обыкновенно путем передачи из рук в руки (чтобы не поднимать очень большого шума), а разбрасывались и расклеивались только 2 раза: с 5-го на 6-е мая (200 шт.) и 13 мая — 500 шт.

Начальство это выступление наше на свет божий «показало в самое сердце», и оно приняло такие меры: 1) ряд обысков и арестов, все неудачных, все не по адресу организации; к некоторым, являясь с обыском, заявляли: «Дайте нам прокламации, и мы уйдем»; 2) ряд мер для охраны улиц на случай демонстрации: впервые на улицах Симферополя появились конные и пешие городовые (нагайкой они проломили голову одному рабочему); городовых и шпионов поставили столько, что прямо непонятно, откуда они столько взяли, усилили штат жандармов и, наконец, — венец всему! — жандармский генерал Трубников, как он сам рассказывал, выпросил у корпусного командира, чтобы рота солдат «гуляла в публике» в день традиционного здесь праздника весны — с тем, чтобы по свистку бить демонстрантов, буде они окажутся; 3) затем после разброски прокламации 6-го мая, по свидетельству архиепископа Николая и полицмейстера Кузменко, были установлены ночные посты 60 городовых и облавы по ночам на прохожих, напр., на Садовой улице, — и, несмотря на это, 13 мая было расклеено и разбросано еще 500 «вареничков», как их у нас называют за треугольный вид (с красной ленточкой); никто при этом не попался, также никого не задержали и шпионы, расставленные было (на ночь) у почтовых ящиков (интеллигенции прокламации рассылались); 4) с 6-го мая две недели в казармах с офицерами дежурили солдаты Литовского полка (две роты), получившие по 4 холостых и 16 боевых зарядов — на случай «бунта», которого ждали то к царскому рождению, то к царским именинам; 5) кроме этих мер, ничем не отличающихся от обычных мер нашей бюрократии, чувствующей себя так непрочной, что боится погибнуть от нескольких прокламаций, у нас г. губернатор выдумал нечто оригинальное. Именно, он обратился к содействию духовенства. 14 мая в Александро-Невском соборе о. протоиерей Тяжелов произнес полторачасовую речь, в которой полемизировал... с нашими прокламациями. Один перл из его речи необходимо сохранить для потомства в дословном виде: «Не верьте, — сказал он, что царь — враг народа и что вы должны уничтожить его власть. Это все вам пишут волки в овечьих шкурах. Ведь царь — помазанник божий, и, если бы он был против народа, — бог бы его не помазал!». Из других святых отцов отличался сам преосв. Николай, говоривший на выпускных экзаменах в семинарии и гимназии. В семинарии он говорил о «нахальстве агитаторов», дерзающих под носом 60 городовых раскидывать свои листки и якобы закидывающих свои сети даже в семинарию, а в гимназии его преосвященство сообщил, что он тоже читает нелегальные издания, но только надо «относиться к ним критически». 6) Наконец, губернатор призывал к себе ремесленного голову г. Петрова и просил его «повлиять на рабочих» и «присмотреть» за ними. Но в этом отношении он напрасно беспокоился — на них успели уже «повлиять» прокламации, а ко всяким «присматриваниям» они привыкли настолько, что, как ни старалась жандармерия и полиция, но никого из рабочего союза не заарестовали.

Не имея сейчас возможности писать также и о других городах Крыма, упомяну только, что майские листки соц.-демократических организаций, кроме Симферополя, были также в Севастополе, Ялте, Мелитополе, Евпатории, Феодосии и Керчи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИЗ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

На недавно происходившем съезде Голландской Социал-Демократической Партии, между прочим, была принята следующая резолюция (большинством 72 против 23 голосов):

«Конгресс выражает желание, чтобы государство взяло на себя заботу о всеобщем, обязательном и даровом народном образовании».

«Конгресс полагает, что необходимо на средства государства поднять уровень преподавания в народных школах и поставить их под контроль педагогов-специалистов».

«Констатируя, что большая часть рабочего класса Голландии требует для своих детей религиозного образования, конгресс не видит необходимости сопротивляться этому, потому что социал-демократия не должна из-за богословских споров разрушать экономическое единство рабочего класса, борющегося безразлично с верующими и неверующими капиталистами».

«Конгресс требует, чтобы материальное положение учителей, независимость которых должна быть гарантирована государством, было одинаково в церковных и светских школах и чтобы родители были свободны в выборе школы».

«Только при выполнении всей этой программы целиком конгресс дает согласие на такие мероприятия, которые будут иметь своим следствием уравнивание церковной школы со светской».

Наши голландские товарищи, повидимому, почувствовали, что в этой резолюции не все обстоит благополучно, и поспешили дать нам по этому поводу свое объяснение. Дело, оказалось, состояло в следующем: в Голландии давно уже идет борьба между либеральной крупной буржуазией и реакционно-клерикальной партией, в состав которой входят мелкие ремесленники, мелкие и крупные землевладельцы. Либеральная партия, достигши власти, позаботилась об устройстве хорошей народной школы. В 1878 году ею был проведен закон, лишивший церковные школы государственной субсидии. Реакционеры воспользовались этим законом для своей агитации, и им удалось на частные средства религиозных родителей даже увеличить число церковных школ, а также число учеников в них. Достигши вновь власти, клерикалы опять в 1889 году издали закон о государственном пособии церковной школе. Теперь голландским социал-демократическим депутатам в палате приходилось высказаться по этому вопросу. Они обратились за советом к своей партии, и мы видели, какой ответ она им дала.

Наиболее существенный довод в пользу резолюции заключается, конечно, в следующих словах: «Социал-демократия не должна из-за богословских споров разрушать экономическое единство рабочего класса, борющегося безразлично с верующими и неверующими капиталистами». Ставить вопрос, таким образом, значит не делать никакого различия между политической партией и профессиональным союзом. Последний имеет другие задачи и многие вопросы решает иначе, чем политическая партия. Ниже мы увидим, как данный вопрос решается профессиональными союзами. Что касается социал-демократической партии, то она стоит перед фактом разединения рабочего класса, — фактом, не ею созданным, и она обязана стремиться организовать и объединить его на почве своих принципов. Никакие соображения об экономическом единстве между верующими и неверующими рабочими не могут заставить ее отказаться от своего принципиального требования — отделения церкви от государства и школы от церкви. Клерикалы отлично понимают значение школы для своего политического влияния и стараются удержать ее в своих руках, а социал-демократы, утверждающие, что они стремятся к освобождению народа от всех форм рабства, как экономического, так и идейного, заявляют свою готовность продлить еще на неопределенное время влияние отживающего миросозерцания!

Выше было сказано, что профессиональные союзы имеют задачи, отличные от задач политической партии, и

потому иначе решают многие вопросы. Профессиональный союз имеет целью улучшение положения рабочих при данном экономическом строе. К борьбе за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы сводится наиболее существенная часть деятельности такого союза. Понятно, что цели профессионального союза могут одинаково признаваться и социалистами и их противниками, людьми религиозными и неверующими и т. д. и т. д. Более того: профессиональный союз заинтересован в привлечении возможно большего числа членов, так как это делает его более сильным и более стойким. Политическая же партия имеет целью ниспровержение существующего порядка вещей, ее члены должны быть связаны между собой общностью миросозерцания, общностью программы. Ее влияние на массу больше зависит от ясного понимания ее членами и от проведения ими на практике принципов партии, чем от количества ее членов. Так, напр., в занимавшем нас выше вопросе все члены социал-демократической партии должны признавать и уметь отстаивать тот пункт ее программы, в котором говорится об отделении церкви от государства; члены же профессиональных союзов могут быть разных взглядов на этот вопрос. Это-то и принято называть нейтральностью профессиональных союзов.

Однако, не все одинаково понимают эту нейтральность. Дело в том, что в некоторых европейских странах профессиональное движение возникло, сравнительно, позже социал-демократической партии и создано членами этой партии и благодаря ее деятельности в парламенте и в стране. В этих случаях профессиональные союзы являются плотью от плоти социал-демократической партии. Нейтральность союзов состоит в том, что они принимают в число своих членов и несоциал-демократов, но всем хорошо известно, что союзы эти имеют социал-демократический характер: они являются для многих рабочих лишь подготовительной школой к социал-демократии, точно также как и наоборот большинство рабочих, состоящих членами социал-демократической партии, входят в состав профессиональных союзов.

Эта взаимная связь двух течений, подкрепляющих и дополняющих друг друга, является бельмом на глазу для тех людей, которые хотели бы лишить европейское рабочее движение его революционного характера. Отсюда же исходит проповедь особого рода нейтральности, под которой эти новые друзья рабочего класса подразумевают отречение профессиональных союзов от социал-демократии и создание организации, подобной английским трэд-юнионам, которые не занимаются политикой, или вернее занимаются ею спорадически, когда это понадобится тому или другому цеху, той или другой профессии. Принципиальной борьбы социал-демократической партии, отстаивающей интересы всего рабочего класса, эти сторонники социальной реформы, как они себя называют, знать не хотят.

На происходившем 16—21 июня в Штутгарте съезде германских профессиональных союзов эти фальшивые друзья получили надлежащий ответ на все свои заигрывания: большинство ораторов на съезде старались подчеркнуть единство германского рабочего движения и связь профессиональных союзов с социал-демократической партией.

Эта связь сказала не только в речах, но и в духе принятых на конгрессе резолюций. Так, например, по вопросу о работе на дому конгресс высказался за желательность совершенного запрещения такой работы, дающей возможность предпринимателям прибегать к наихудшим формам эксплуатации, преимущественно, женского и детского труда. В виде переходных мер конгресс требует распространения на этого рода работы всех постановлений фабричного законодательства, подчинения их контролю фабричных инспекторов, запрещения детского труда, запрещения работать по ночам, по воскресеньям и праздничным дням, санитарного надзора за мастерскими и строгих наказаний за нарушение всех относящихся сюда постановлений.

Далее, конгресс высказался за необходимость более интенсивной агитации среди работниц и привлечения их в общие профессиональные организации. В особой резолюции высказано требование государственного страхо-

вания от безработицы, но предварительным его условием должны быть: неограниченная свобода союзов и стачек, предоставление профессиональным организациям прав юридического лица и правильный периодический подсчет числа безработных.

Не лишено интереса, что на заседавшем в первых числах июля в Мюнхене конгрессе христианских профессиональных союзов высказывались совершенно противоположные мнения: «С христианской точки зрения нельзя желать полного уничтожения работы на дому. Только мужчинам следует запретить заниматься такой работой». «Женщины должны создавать особые организации, отделенные от мужчин, но под верховным руководством мужских организаций»... «Следует окончательно запретить замужним женщинам работать на фабриках». И т. д. и т. д. Один английский социалист, присутствовавший на Штутгартском конгрессе, был очень удивлен, что в Германии существуют христианские профессиональные союзы. «Я не могу понять, — сказал он в разговоре с корреспондентом одной немецкой социал-демократической газеты, — какая связь существует между религией и профессиональными интересами. Ведь рабочие соединяются не из-за церковных, а из-за материальных причин. Фабрика и церковь — две вполне различные вещи. Товары производятся не для протестантов, католиков и т. д., а для людей, имеющих деньги». Тем не менее, такие союзы существуют на континенте в сравнительно большом количестве, и созданы они большей частью различными политическими партиями, стремящимися сохранить свое влияние на рабочих и не дать им уйти в социал-демократический лагерь. Является вопрос, как быть с такими организациями, в какое отношение к ним встать.

Решением этого вопроса пришлось, между прочим, заняться международному конгрессу рабочих текстильной промышленности, собиравшемуся в Цюрихе (2—6 июня). На этот конгресс явился 3 представителя от христианских профессиональных союзов, открыто враждовавших и даже вредивших профессиональным союзам другого направления. В виду этого, конгрессом была единогласно принята следующая резолюция, устанавливающая условия допущения на будущие конгрессы: «Заседающий в Цюрихе 5-й международный конгресс рабочих текстильной промышленности принимает к сведению тот факт, что в некоторых странах существуют профессиональные союзы, называющие себя желтыми (во Франции), христианскими или смешанными (т. е. состоящими из предпринимателей и рабочих) и основанные лишь с целью затруднить чисто рабочую профессиональную пропаганду. Конгресс решает не допускать на будущие конгрессы представителей указанных союзов, так как они являются представителями международного союза рабочих, стоящих на точке зрения классовой борьбы. Конгресс приглашает всех рабочих, каковы бы ни были их религиозные и политические убеждения, создавать профессиональные организации для борьбы с произволом предпринимателей за свое окончательное освобождение».

Укажем еще на некоторые другие решения этого конгресса, имеющие общий интерес. Решено добиваться запрещения сверхурочных работ и бороться за постепенное сокращение рабочего дня до 8 часов. Постановлено учредить международный стачечный фонд, и принята резолюция, обязывающая всех организованных ткачей и прядильщиков при выборах голосовать только за таких кандидатов, которые заявят свою готовность поддерживать в парламенте решения конгресса.

Решение, сходное с последним, было принято и на международном (13-м) съезде горнорабочих в Дюссельдорфе (16—23 мая). Один австрийский делегат пошел даже еще далее и требовал, чтобы избирали только кандидатов, представляемых социал-демократической партией, но, в виду отсутствия в Англии такого единства между социал-демократией и трэд-юнионизмом, пришлось ограничиться более общим решением. А между тем, оно имело в виду, главным образом, Англию, где еще недавно представитель рабочих втирал в парламенте против закона о 8-часовом рабочем дне для горнорабочих. Даже на самом конгрессе трое английских делегатов, из которых один оказался членом парламента, втирало против распространения

закона о восьмичасовом рабочем дне на тех горных рабочих, которые работают на поверхности земли. Неудивительно, что этот цеховой эгоизм английских трэд-юнионистов вызвал самую резкую отповедь со стороны других делегатов. «Если бы, — сказал один из них, — кто-нибудь из наших вождей позволил себе что-нибудь подобное, то он был бы выкинут из организации».

К другим решениям Дюссельдорфского конгресса мы напомним еще вернуться.

ИЗ ПАРТИИ

Харьковский Комитет Партии слился с местным «Союзом Борьбы за Осв. Раб. Класа» и принял двойное название: «Харьк. Ком. Р. С.-Д. Р. П.—Союз Борьбы» и т. д. Сформировавшийся в Полтаве Комитет Партии выпустил 2 (гектогр.) прокламации к рабочим: одну — о стачечной борьбе, а другую — о политической свободе.

Тверская организация преобразовалась в Комитет Партии и издала по этому поводу следующую прокламацию: «С 1 мая настоящего года Тверская Группа Росс. С.-Д. Р. П. приняла название Комитета⁷. Этим шагом местная организация окончательно включает себя в состав большого организованного целого — Росс. Соц.-Дем. Партии, из чего вытекает обязанность ее во всех своих действиях руководиться теми тактическими принципами, которые получили партийную санкцию, — право автономного решения только тех вопросов, которые носят исключительно местный характер. Таковы с принципиальной точки зрения последствия принятия Группой формы Комитета, ячейки партийной организации».

«В настоящее время русским соц.-демократическим организациям нельзя ограничиться простым заявлением о принадлежности к действующей в России Соц.-Дем. Партии вообще. Неизбежные в каждом живом деле теоретические и практические разногласия создали раскол между борющимися под одним знаменем организациями и их литературными органами. Примирить эти разногласия, установить единую точку зрения на спорные вопросы и властным словом прекратить состояние партийной анархии — дело всей партии и ее компетентного органа — съезда. Но пока это слово не сказано, всякая вновь возникающая в России организация должна, хотя бы в краткой форме, установить то или иное отношение к спорным сторонам. Эту, и только эту, цель преследует настоящий листок».

«Тверской Комитет примыкает к программе „Искры“ и считает ее освещение современных нам событий наиболее правильным. Задача объединения партийных сил, в виду мобилизовавшего все свои силы самодержавия; задача создания удовлетворяющего и количественно и качественно потребности момента — печатного органа, который разнес бы во все концы русской земли искры революционного пожара и стянул бы всех протестантов под красное знамя социал-демократии, короче, огромная работа — сплочение всех революционных сил для решительного натиска на русский политический строй и передача революционной гегемонии в руки русского пролетариата и его естественной руководительницы — Соц.-Дем. Партии — вот насущные требования переживаемого нами момента. Внести свою долю труда должна и всякая местная организация; по мере сил и возможности Тверской Комитет постарается выполнить это».

«В своей деятельности среди рабочих Тверской Комитет будет настойчиво подчеркивать политический момент. Он будет стараться использовать всякий случай, дающий возможность расширить политический горизонт рабочей массы, путем агитационного листка или летучей брошюры. Руководя рабочими в борьбе за чисто-экономические требования, Комитет будет указывать на недостаточность одной профессиональной борьбы. В виду недостатка привозной нелегальной литературы и растущего спроса на нее, Комитет постарается удовлетворить его путем собственного издательства».

«Относительно деятельности других оппозиционных слоев населения Комитет будет руководиться соображениями о наличии необходимых сил. Он берет на себя распространение нелегальной литературы среди местной интеллигенции. Всякий факт правительственного насилия и произвола, происшедший в районе его влияния, будет им оглашен в своих и партийных изданиях. Во всех тех случаях, когда поддержка его будет необходима, он поддержит посильно всякую попытку протеста со стороны других оппозиционных групп.

«Тверской Комитет обращается ко всем сочувствующим элементам общества с просьбой о материальной поддержке. Он просит другие организации перепечатать настоящий листок.

Тверской Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии»⁸.

Письмо в редакцию.

Прошу уделить мне несколько строк для опровержения одной инсинуации.

2 месяца назад я случайно присутствовал на квартире у социалиста-революционера N при объяснении между одним представителем нашей «Лиги» и г. Рубановичем, представителем Партии Соц.-Рев. Речь шла о недоразумениях, вызванных изданием одной группой, примыкающей к Лиге, бюллетеня на французском языке («Echos de Russie»). В виду дошедших до него нареканий на то, что «искровцы» изданием своего бюллетеня якобы пошли вразрез с начинаниями междуфракционного комитета в Париже, затевавшего такой же бюллетень, — наш упомянутый товарищ просил г. Рубановича выяснить в присутствии моем и товарища N это дело. Из последовавших затем объяснений мы с товарищем N смогли констатировать, что группа «искровцев» стала издавать свой бюллетень лишь после того, как упомянутый междуфракционный комитет отклонил идею совместного издания бюллетеня, как предприятия нежизнеспособного. После этого раз'яснения товарищ N и г. Рубанович признали, что поведение «искровцев» в этом вопросе было вполне корректным и что инцидент надо считать исчерпанным.

Каково же было мое удивление, когда 2 месяца спустя я прочел во французском листке, изданном «Партией Соц.-Рев.», тот же упрек по адресу издателей «бюллетеня», что они начали свое издание «в то самое время, когда русские социалисты и революц. группы за границей (включая и «Искру») искали путей и средств для издания сообща беспартийного бюллетеня»? Я приглашаю товарища N (которого не могу назвать, не зная, удобно ли это для него) подтвердить в «Рев. Росс.» правильность передачи мной результатов того «расследования», которое мы с ним произвели по поводу этой инсинуации. Если же он не признает эту передачу правильной, пусть об этом заявит печатно и, если может, возьмет на себя открыто ответственность за взведенное на нас — по моему убеждению, ложное — обвинение.

Л. Сергеев, член Лиги Рев. С.-Д.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге в начале августа аресты среди рабочих.

В Курске в конце июля арестованы: гимн. Лагутин, студ. Шекун и военный фельдшер Инютин; это второй случай арестов за нынешний год в полку. Ради маневров, на которых должен быть царь, город наводнен шпионами. Заказано 2.000 шпионских значков. Можно себе представить, какой «восторженный» прием со стороны «курского населения» встретит царь, когда обладатели этих значков подымут патристический рев! — В целях охраны организована комиссия в составе вице-губернатора, полицмейстера, жанд. полковника и губ. архитектора для осмотра погребов и подвалов.

В Москве 11 июля, по распоряжению Спб. жанд. упр., арестован бывший статист. И. П. Чарушников и немедленно отправлен в Петербург.

В Киеве в июле был обыск в квартире лаборантов политехникума Кованько, Карманова и Попельского. Последний арестован. В июне арестовано несколько стояров за пропаганду среди солдат.

В Астрахани арестован юрист Сереженков, обыски у Вржосека и Евреинава.

Исаак Лалайц и Прасковья Лалайц, привлекавшиеся в 1900 г. (апрель) по делу Екатеринославского Комитета и газеты «Южный Рабочий», бежали и благополучно прибыли за границу: первый — из Балаганска, Иркутской губ., вторая — из Воронежа. Оба были высланы до исполнения приговора.

Из Сибири же бежали в последнее время: Лысик (по Московскому делу, бежал вторично), М. Жалудская (портниха из Варшавы, по делу «Бунда»), Феликс Держинский (рабочий из Варшавы, по делу польской с.-д.-и, был арестован нелегальным после побега из Вятской губ.), Р. Орлова (по Кременчугск. с.-д. делу 1898 г.) и Сладкопевцев (из Спб.). По пути в Сибирь бежал Малиновский, сосланный на 8 л. по делу типографии польского «Работника».

С Ангара (Енисейской губ.) бежал одесский рабочий Гринштейн-Розенберг, сосланный в 1899 году, прибыл за границу. Из части в Екатеринославле бежали, через окно, и прибыли благополучно за границу: 1) рабочий Бабушкин (арестован в 1901 г. в Орехово-Зуеве) и 2) харьковский студент Горовиц (по делу Харьковск. Комитета).

Латыши Эрнест Ролау (бывш. моск. студ.) и Клява, арестованные летом 1901 г. на границе по обвинению в транспортировке литературы, сосланы: первый — на 6, второй — на 4 г. в Восточную Сибирь.

В хронику прошлого № вкралась ошибка: фамилия заседателя, за убийство которого судился А. Ергин, не Калашников, а Иванов.

Из области жандармских секретов:

В Петербурге 26 июня получена на имя министра земледелия и гос. имуществ телеграмма (шифрованная) из Харькова, в которой жандармский полковник просит министра не предпринимать со своей стороны ничего против тайного с'езда воспитанников средне-земледельческих училищ, происходящего в Харькове, так как он, жандармский полковник, уже выследил и надеется выследить до конца.

Недавно по почтовым учреждениям разослан тайный циркуляр о вскрытии в почтовых посылках переплетов подозрительной толщины, так как, по данным полиции, ими пользуются для пересылки революционных изданий.

В секретном циркуляре к губернаторам и начальникам жандармских управлений, за № 4328, от 27 июня 1902 г., департамент полиции предупреждает указанных лиц о циркулирующих по деревням революционных брошюрах и о тех приемах, которые применены издателями, чтобы скрыть их нелегальность (клеймо «дозволено цензурой» и адрес мнимого места издания). Предписывая «самый внимательный надзор за изданиями, распространенными среди крестьян через книгонош и через сельские библиотеки», департамент обстоятельно знакомит своих чиновников с содержанием четырех революционных брошюр, делая ссылки на страницы и довольно толково излагая основные мысли авторов. «В последнее время, — говорит циркуляр, — замечается особенно усиленная агитаторская деятельность разных революционных организаций, направленная преимущественно к воздействию на крестьянское население, в целях подорвать в нем доверие к действиям правительства, а также обострить отношения к частным землевладельцам».

Товарищи просят о напечатании следующего сообщения:

Абрам Борух Каплан, наборщик, арестованный 6 марта 1901 года в городе Нежине, Черниговской губернии, привезенный после в Петербург, в Петропавловскую крепость, был обвинен в устройстве тайной типографии в г. Нежине. В ноябре прошлого года, на одном из допросов, он выдавал товарищей, арестованных и неарестованных; предложил даже взять его в жандармы и подписал полное отречение от революционной деятельности и раскаяние.

Принимая во внимание, что Каплан, как нелегальный, занимал особенно важный пост и что он выдал много лиц, — мы признаем его очень вредным предателем, предостерегаем и призываем товарищей к полному прекращению с ним навсегда сношений и к оглашению его во всех революционных изданиях, несмотря на то, что он подавал прошение к мин-м вн. дел и юст., в которых он отрекался от данных им предательских показаний, что он дал для оглашения нижеследующий документ, написанный собственной рукой, и что получил он приговор — 5 л. Вост. Сибири.

ИСПОВЕДЬ ПРЕДАТЕЛЯ.

(Прилагаемая «исповедь» А. Б. Каплана может дать представление о том, какой тактикой жандармы успевают иногда одурачить и довести до предательства малодушных и несознательных революционеров. За недостатком места, отбрасываем все второстепенные подробности.)

Письмо из тюрьмы.

«Пишу под свежим впечатлением только что пережитого. Обвинялся я в устройстве тайной типографии. Следствие велось товарищем прокурора Трусевичем, при содействии товарища прокурора Беляева. Содержали меня в Петропавловской крепости».

В течение шести с половиной месяцев Каплан отказывался от дачи показаний. После этого тактика жандармов по отношению к нему изменилась.

«Я опять был привезен в жанд. упр. Я увидел общество, состоящее из господ Трусевича, Беляева и др. офицеров. Говорили все, но особенно выдавался Трусевич. Он уже не стал мне доказывать неправоту нашего дела. Он указывал мне на бесполезность революционной борьбы, на неравенство сил организованного правительства и неорганизованной горсти революционеров. Распространялся о том, что правительство наше совсем не консервативно, что оно само видит недостатки настоящего строя, но по опытности своей из любви к народу не желает сразу ломать веками утвержденного порядка вещей, но понемногу изыскивает средства к улучшению положения народа. Что русское правительство совсем не преследует экономической борьбы за интересы рабочих и даже, наоборот, всегда принимает сторону обиженных. Что если бы рабочие удалили из своей программы политическую борьбу, то правительство несколько бы им не мешало в их деятельности. Что легальным путем можно добиться гораздо больших улучшений в положении народа, чем революционной борьбой, которая толкает столько здоровых людей, имевших бы возможность на легальной почве принести больше пользы обществу, на скользкий путь тайной деятельности, которая доставляет большие страдания очень многим, но видимой пользы никому не приносит...» «...Говорили они также, что правительство наше стало смотреть на наказание политиков не как на акт мести, а как на меру, ограждающую общество от дальнейшего вредного влияния на него лица, совершившего преступление, и что если какой-нибудь революционер докажет, что он не намерен больше принимать участие в революционной деятельности, его немедленно освободят. Тогда же Трусевич предложил мне сделаться наборщиком при жанд. упр., основываясь на том, что я выразил сожаление об отсутствии всякого физического труда в тюрьме». «...Я ответил им, что, насколько я помню, я им не давал никакого повода к тому, чтобы они осмелились предлагать мне должность жандарма. После этого меня доставили обратно в тюрьму и больше не тревожили. — После всех этих споров мое до-

верие к жандармам сильно возросло. Я еще не был знаком с их тактикой, основанной исключительно на хитрости, и придал цену уверениям господ прокуроров и жандармов и дорого заплатил я за это доверие. Если, думал я в то время, правительство наше, представителем которого является в столкновениях со мной прокурор, говорит, что экономическая борьба в России дозволена, что преследуется только революционная деятельность, видя и чувствуя на самом себе, что каждый шаг наш вперед обходится так дорого, соглашаясь с прокурором, что положение рабочего класса, действительно, улучшается (забыл я, однако, при этом размышлении одно обстоятельство, что положение наше улучшается при энергичном сопротивлении правительства, а не при содействии его), что состав правительственных сфер меняется качественно, требуя лиц все более образованных, что каждый из нас при революционной деятельности находится на воле не долго, а попадает скоро в тюрьму или ссылку; поразмыслив, таким образом, я нашел, что в самом деле не стоит бороться с правительством, столь прогрессивным (по крайней мере, на словах), а лучше посвятить свои силы легальной деятельности среди рабочих, исключительно на почве экономических интересов. Мысль эта так овладела мною, что у меня явилось страстное желание выйти из тюрьмы и совершенно легализоваться, чтобы иметь возможность проводить свои взгляды в рабочей среде. А тут еще это предложение относительно поступления в наборщики! Раз у меня явились новые взгляды на вещи, я считал для себя постыдным скрываться от кого бы то ни было; и вот через несколько недель после сделанного мне предложения я посылаю заявление в жанд. упр., прося, чтобы меня туда вызвали. Я решил, что принять должность наборщика при упр. само по себе не составляет преступления против совести или товарищей, если оно вызвано более важными соображениями. Во всяком случае, думал я, если в этом кроется какая-нибудь хитрость, то я сумею во всякую минуту отказаться от роли, которую они захотят навязать мне. В жанд. упр. я застал только одного ротмистра, который при предложении, сделанном мне Трусевичем насчет работы, не присутствовал. Когда я ему объяснил в чем дело, он сказал мне, что прокурор, вероятно, пошутил, но обещал мне немедленно дать знать Трусевичу. Я, между прочим, рассказал ему о перемене, происшедшей в моих убеждениях, и своим намерениям при освобождении из тюрьмы начать конгр.-революционную агитацию среди рабочих. Он об этом немедленно доложил полковнику, и тот предстал передо мною со следующим предложением: „Если вы хотите быть освобожденным из тюрьмы и не подвергнуться взысканию за совершенное преступление, извольте дать откровенное показание насчет себя и всех известных вам революционеров“. Я, конечно, объяснил ему, что перемена убеждения еще не значит превращение в подлеца и предателя, и сказал, что на таких условиях я предпочитаю оставаться в Петропавловке. Он ушел. Между тем, о моем предложении был извещен Трусевич; он велел отвести меня обратно и привести на следующий день. На завтра прибыв в управление и найдя там Трусевича и Беляева, я заявил им о своем желании. Они, как и следовало ожидать, от своего предложения отступились и стали доказывать мне, что, раз я признаю революционную деятельность излишней, я должен помочь искоренению ее. Правительство, говорили они мне, потерпело от моих противозаконных поступков и теперь совершенно справедливо требует у меня вознаграждения. На что я им ответил, что я совершенно согласен с ними в том отношении, что я должен вознаградить правительство за нанесенный ему вред, но было бы подло расплачиваться свободой других людей. В знак своих легальных намерений я даже предложил им взять меня на какой-нибудь срок в жандармы, только с тем условием, что они о моем знакомстве с революционерами должны забыть совершенно и никогда не требовать у меня никакой подлости. Они не согласились на мое предложение, а стали доказывать мне, что разъяснение дела не есть предательство; что очень часто разъяснение обстоятельств облегчает участь многих людей, не принося вреда людям, и без того скомпрометированным указанием на их мелкие проступки; сказали мне, что дело нашей типографии может затянуться на неопределенное время оттого, что за

раз'яснением каждого незначительного обстоятельства проводят целые месяцы, поневоле привлекая к делу невиновных лиц, и что выяснение роли лиц, принимавших незначительное участие в деле и уже привлеченных к делу, является прямой обязанностью каждого. Им удалось настолько убедить меня, что я, имея в виду: 1) осветить роль каждого из действующих лиц, не предполагая, что я могу им этим принести вред, в особенности же двоих товарищей, раз'яснение роли которых могло им принести или даже принесло пользу, и 2) желая в интересах легальной экономической борьбы освободиться из заключения, опутанный со всех сторон лживыми прокурорами и жандармами, я оговорил нескольких лиц, при чем показания мои часто прямо подсказывались мне ими и впоследствии даже оказались ложными. На последних допросах их гнетущее влияние на меня было так сильно и я был так хитро оплетен их сладким речами, что я написал отречение от революционной программы. Но ослепление мое, к счастью, продолжалось недолго. Уже через несколько недель после последних допросов я разглядел всю фальшь и хитрость наших прокуроров-жандармов и горько сожалел о многих словах, чуть не силой вырванных у меня, хотя под маской вежливости, которые, может быть, отягчили участь нескольких лиц и не принесли желанного мною некоторым облегчения. Пусть же этот факт будет последним и да послужит он упреком для лиц, верящих в прокурорско-жандармскую справедливость и в то, что при содействии русского правительства им удастся облегчить участь стонущего под двойным ярмом русского рабочего.

Абрам Борух Каплан.

(От Петерб. Комитета Р. С.-Д. Р. Партии).

В Спб. по Екатерининскому каналу, дом № 45, кв. 17, проживает с женой агент страхового о-ва «Эквитебль» Абрам Израилевич Плоткин, он же Плотке, занимающийся исключительно страхованием, но не от огня, — а от врагов самодержавия. Натянув на себя личину противника самодержавия, очень сочувствующего революционному движению, этот мерзавец расставляет сети и ловит жертвы. Его квартира наполнена нелегальной литературой, шрифтом, поддельными паспортами, печатками и проч.

Живет в Питере давно, часто бывает в командировках (между прочим, был недавно в Казани), меняет фамилию и в адресном столе не числится. Приехал из Минска, где знали его за провокатора. Вот его приметы: лет ему 50. низкого роста, лысый, лицо бледно-землистого цвета, морщинистое. Стриженная борода, полуседея, голубые глаза, постоянно мигающие, говорит по-русски плохо.

Здесь же, в Спб., проживает и Рубашевский, известный по Киеву провокатор.

ПЕРСИЦ.

Года три тому назад г. Персиц явился в Женеву к Плеханову и, признавшись в том, что состоял агентом Зубатова, заявил о своем раскаянии и о своей готовности загладить свой грех *. Он предложил Плеханову свои услуги в роли нового Дегаева. Само собою разумеется, что это предложение было отклонено Плехановым, который, решительно не одобряя дегаевщины в принципе, находил к тому же, что раскаяние шпиона — вещь более чем сомнительная. Встретив недоверчивое отношение к себе со стороны русской женевской колонии, предупрежденной Плехановым, г. Персиц исчез с тем, чтобы вновь появиться летом нынешнего года в Женеве в качестве члена местного немецкого социал-демократического общества. В Женеву он приехал на этот раз из С.-Галлена, где он тоже втерся в немецкое соц.-дем общество и откуда было послано, — по его инициативе — напечатанное в № 22 «Искры» приветствие русским социал-демократам. Г. Персиц не понял, что в виду его прошлого всякое выражение им сочувствия русским

революционерам может быть рассматриваемо как «лобзание Иуды».

Когда до Плеханова и Ляхотского дошли слухи о том, что г. Персиц состоит членом немецкого соц.-дем. общества, они разоблачили его в присутствии Vorstand'a этого общества. Тогда г. Персиц «добровольно» вышел из ферейна. Но его бывшие (невольные) товарищи единогласно приняли резолюцию, по смыслу которой выходит, что если бы г. Персиц не поспешил выйти, то он был бы исключен.

Этот господин проживает теперь в Женеве, возбуждая справедливое негодование во всех тех, кто знает его прошлое и кому известно, как странно, — чтобы не сказать более, — ведет он себя в настоящее время.

Предупреждаем всех товарищей против этого экземпляра из сгаи грязной зубатовских птенцов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

С.-Петербург: «мы» 4 р. 50 к., еще «мы» — 6 р. 10 к.

От С. П. Б. С. Б. 19 р. 50 к.

От Б-ской группы за июнь:

от кружка — 100 м., из Л. через М-ую — 61 м (в том числе пожертвовано от Г. Р. И. — 8 м., от М-ой — 6 м., остальное за литературу). От Фанни из Л. — 50 м., с курорта — 56 м. (в том числе от Нат. Э. — 40 фр. на спец. цель, от нее же — 10 фр. для «Искры», от З-ва — 7 фр. 50 с., от друзей «до общей суммы в 70 фр.»).

Из Льежа: 30 фр. 60 с.

Нас просят поместить нижеследующий отчет Комитета Сибирской кассы в Цюрихе с 12 янв. по 22 июля 1902 г.:

Приход: в кассе с 12 янв. — 388 фр. 79 с.; из Цюриха — 324.39 (членских взносов 194.55, собрано по лист. раб. эмигр. — 20, пожертвовано 22.50, долги с прошлого бала — 11.60, через «Искру» г-ну П. 26.50, собрано на Protestversammlung 39.24, от продажи карточек Балмашева, изданных кружком N и R — 10 фр.); из Винтертура 42.50 (из них от Arbeiterbildungsverein'a — 10 фр.); из Давоса — 34; из Льежа — 198.40 (из них от харьковцев — 50 фр.); из Фрейбурга — 56.25; из Берлина — 60; из Брюсселя — 41; из Нью-Йорка — 50; из Карлсруэ — 5; из Фрейбурга через «Бунд» — 70.37. Итого 1.275 фр. 70 с.

Со спектакля 100 фр.

Расход: в Московскую тюрьму — 100; в Вост. Сиб. — 100.70 (38 руб.); собрано по лист. раб. эмигр. — 20; в Енис. губ. — 66.25 (25 руб.); на Сахалин — 153.70 (58 р.); ссыльным через Шарлотенбург — 66.25 (25 р.); в Ирк. губ. ссыльному литер. — 40.50 (15 р.); в Александр. перес. тюрьм. — 48 (18 р.); от «Искры» г-ну П. — 26.50; в Митавск. тюрьм. — 50; эмигранту — 30; в Могилевск. губ. — 133; в Одессу через Берлин — 77.45; через «Бунд» ссыльным и заключ. — 220.37; в Иркутск. губ. — 69.25 (25 р.); в Енисейск. губ. через «Искру» — 60; почтов. расход — 12.55. Итого — 1271.07. В кассе 22 июля 4 фр. 63 с.

Загр. Лигой Рев. Русск. С.-Д. — издано: Ф. Энгельс. «Развитие научного социализма». Издание 2-е с предисловием Г. Плеханова.

Печатается и на днях выйдет в свет: «Самодержавие и стачки» (секретная записка мин. фин. о легализации стачек). С приложением статьи Л. Мартова: «Новая победа русских рабочих».

Печатается издание «Зари»: «Эрфуртская программа» К. Каутского, 2-е исправленное издание.

— Ъ. Ваша статья помещена в «Заре». Пришлите адрес для явки, получите литературу.

«Флоре из О.»: Из вашего города была в последнее время только корресп., помещенная в № 24, о ней ли спрашиваете? Прокламации, кроме присланной вами, не получали.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

* Подобное же признание было сделано им эмигрантам Бирюкову и Ляхотскому.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Здесь имеется в виду зубатовское «Общество взаимопомощи рабочих в механическом производстве», организованное в 1902 г. для отвлечения рабочих от политической борьбы и социализма.

Прим. 2. Шипов, Д. Н. — земский деятель, председатель Московской губернской земской управы, умеренный либерал с славяно-фильским уклоном, постоянный участник земских съездов. После 1905 г. входил в «Союз 17 октября», потом — в «партию мирного обновления». В эпоху революции служил посредником между Николаем II и кадетами.

Прим. 3. В. В. — псевдоним виднейшего теоретика народничества 80 — 90-х годов В. П. Воронцова, развивавшего в своих трудах («Судьбы капитализма в России», «Очерки теоретической экономии» и пр.) общие всем народникам этого периода взгляды на беспощадность капитализма в России, на экономическую устойчивость крестьянской общины, жизнеспособность мелкого производства в земледелии по сравнению с крупным.

Прим. 4. Все перечисленные здесь лица — идеологи мелкой буржуазии (Юзов — псевдоним правого народника Кабища, Н. — он — псевдоним правого народнического теоретика — Н. Даниельсона, первого переводчика «Капитала» Маркса на русский язык).

Прим. 5. Бабеф, Франсуа Ноэль (1764 — 1797) — революционер-коммунист эпохи Великой французской революции, проповедывавший в своей газете «Народный Трибун» и в брошюре «Манифест Равных» общность имущества, и в том числе — общую собственность на землю. Будущее общество должно быть основано на коллективной собственности и на всеобщей трудовой повинности. Для проведения своих взглядов в жизнь Б. вместе с Дартэ и Буонаротти организовал подпольную организацию «Равных», подготовлявшую восстание против контр-революционного правительства (Директории 1795 — 1799 гг.), но был предан провокатором Гризелем, арестован и казнен вместе с Дартэ.

Прим. 6. См. № 14 «Искры», прим. 6-е.

Прим. 7. Социал-демократическая пропаганда в Твери велась уже в 1896 г. приехавшими из Петербурга рабочими. По началу организации Тверской Группы Р. С.-Д. Р. П. положено, повидимому, в 1898 г., когда высланный в Тверь раб. Прошли, автор одной из речей во время митинга в 1891 г. в Петербурге, организовал соц.-дем. кружок. В 1898 — 99 гг. в этот кружок входили рабочие: А. Лазарев, Б. Зиновьев, Сумеркин, Толстиков, интеллигенты: В. Новодворский, Б. Савинов и другие. В 1899 г. раб. А. П. Смирнов, интеллигенты Б. Александровский и Гусев входят в соц.-дем. организацию в Твери, позже к ним присоединяются: Л. Забелин, В. Панов, А. Буш, Вислоух и др. В 1902 г. число членов с.-д. организации превышает 100 чел. В различных местах Тверской губ. возникают соц.-дем. кружки. Влияние соц.-дем. организации на рабочие массы особенно возрастает после того, как Тверская Группа Р. С.-Д. Р. П. открыто заявила о своем существовании в прокламации, выпущенной 8 февраля 1902 г. по поводу забастовки на Залогинской фабрике, где произошло столкновение рабочих с войсками.

Искровское влияние на Тверскую Группу соц.-дем. началось, повидимому, уже в 1901 г. После II съезда Тверской Комитет Р. С.-Д. Р. П. в своем заявлении в № 60 «Искры», хотя и выявил примиренческие тенденции, но тем не менее решительно встал на точку зрения Ленина. «Мы считаем необходимым указать, — говорил Тверской Комитет в этом заявлении, — что первый пункт организационного устава совершенно неудовлетворителен, так как дает возможность проникнуть в нашу партию нежелательным элементам, могущим внести в нее буржуазные тенденции... Необходимо принять строго централистский тип организации, которому более соответствует план т. Ленина»... Перед III съездом Р. С.-Д. Р. П. Тверская организация участвует в «Северной Конференции Комитетов большинства». (Краткую историю Тверской организации Р. С.-Д. Р. П. читатель найдет в брошюре П. К. Александрова «Очерк рабочего движения в Тверской губ. 1885 — 1905 гг.». Изд. «Октябрь», Тверь 1923 г.).

Прим. 8. Редакция «Искры» в этот период энергично требовала от стоящих на ее точке зрения соц.-дем. организаций публичного заявления об их солидарности со взглядами «Искры». В своем письме к Московскому Комитету Р. С.-Д. Р. П., написанному В. И. Ленину благодарность за книгу «Что делать?», Ленин пишет: «Не думайте, пожалуйста, что нам неважно опубликовывать заявления комитетов об их солидарности с такими-то взглядами. Напротив, именно теперь, когда мы все думаем о соединении революционной социал-демократии, это особенно важно. Было бы весьма желательно, чтобы свою солидарность с моей книгой Московский Комитет облек в форму заявления, которое и появилось бы в «Искре» немедленно. Давно пора комитетам выступать с открытым провозглашением своей партийной позиции, порвать с той тактикой молчаливого согласия, которая преобладала в «третьем периоде» (см. Собр. соч., т. XX. Письмо к Московскому Комитету от 24 августа 1902 г. Курсив подл.). Почти одновременно с этим Мартов писал П. Б. Аксельроду, который летом 1902 г. виделся с «поваром» (Ф. И. Щеколдиным, одним из основателей «Северного Союза Р. С.-Д. Р. П.»): «Важно еще, чтоб повар понял, насколько нам прямо-таки необходимо (курс. подл.) возможно скорейшее заявление Сев. Союзом принципиальной солидарности с нами и готовности признать „Искру“ партийным органом. Как вы, вероятно, знаете, мы теперь к тому же склоняем Пет. и Моск. Ком.-ты; есть надежда, что добьемся этого. Это будет первым шагом к сплочению револ. с.-д. сил. Наши сторонники должны понять, что их сдержанность и выжидательная политика в этом вопросе принесли уже значительный вред и грозят еще большим вредом» («Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова». Берлин. Письмо 22-е от 2 августа 1902 г.). Заявления Петербургского, Московского Комитетов появились в № 26 «Искры», в № 27 — «Южного Рабочего», в № 28 — Харьковского и т. д.